

Санкт-Петербургский Государственный университет

Виды переводческих трансформаций в художественном тексте (на материале переводов книги С.А. Алексиевич «Время секунд хэнд» на испанский и португальский языки)

Выпускная квалификационная работа

Студентки IV курса

Карповской Анны Сергеевны

Научный руководитель:

проф. Н.Г. Мёд

Рецензент: доц. О.К. Войку

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Предметом настоящего исследования стали различные типы переводческих трансформаций и приемов и их перевод на испанский и португальский языки в художественном тексте.

Цели работы:

- В ходе анализа произведения С.А. Алексиевич рассмотреть основные типы трансформаций, используемые переводчиками
- С помощью теоретической базы определить наиболее трудные моменты в переводе художественного текста, относящиеся к аспекту межкультурной коммуникации, и проанализировать их перевод на конкретных примерах
- Определить наиболее удачные моменты в переводе каждой из этих категорий
- Проследить существование устойчивых эквивалентов для реалий и использование их переводчиком
- Сопоставить эти трансформации в испанском и португальском языках (сопоставительный анализ переводов)
- Проследить использование основных переводческих трансформаций в рамках художественно-публицистической специфики текста

Материал и методы исследования

Материалом для данной работы послужили переводы книги С. А. Алексиевич «Время секунд хэнд» на испанский и португальский языки, выполненные Хорхе Феррером и Антониу Пешкадой. Нобелевская премия по литературе, полученная писательницей в 2015 году, позволила ее произведениям выйти на мировой уровень – в настоящее время ее книги переведены более чем на 20 языков. «Время секунд хэнд» – последняя книга из серии «Голоса утопии». В ней собраны интервью с простыми гражданами на самые разные темы – от политики до повседневной жизни в СССР и России.

Разнообразие лексики, а также разговорный характер произведения, в которое помимо множества реалий и имен включены эмоциональные высказывания и обиходные выражения, интересные с точки зрения перевода, во многом обосновывают выбор произведения для настоящего исследования.

В данной работе мы проводим сравнительный анализ переводов указанного произведения на испанский и португальский языки.

Практическая ценность и новизна работы

Настоящее исследование призвано внести вклад в изучение практического применения переводческих трансформаций в целом и в языковых парах русский-испанский и русский-португальский в частности. Особенно актуален вопрос перевода советизмов и реалий 90-х и 2000-х годов на соответствующие языки. Кроме того, новизна работы состоит в том, что анализ переводов произведений С.А. Алексиевич (в том числе на другие языки), насколько нам известно, ранее не проводился.

Результаты исследования могут быть использованы в практике перевода художественного текста, в особенности текстов советского и постсоветского периода и текстов разговорной направленности с русского языка на испанский и португальский.

Особый акцент в настоящей работе делается на межкультурный аспект перевода, и потому материалы исследования могут быть также использованы при исследованиях в сфере межкультурной коммуникации, в частности по восприятию реалий или выражению эмоций в разных культурах.

Глава I. Переводческие трансформации в художественном тексте

§1. Художественный перевод

Переводом считается межъязыковое преобразование, после которого текст на одном языке становится текстом на другом языке при сохранении плана его содержания (Бархударов 1975: 11). Художественному переводу среди других

разновидностей перевода всегда уделялось особое внимание. Однако переводческая деятельность носит неупорядоченный характер, для нее не существует универсальных решений, и на примере перевода художественного текста это проявляется особенно ярко. Порой бывает трудно даже определить границу между собственно художественным и нехудожественным текстами (Казакова 2002: 5). Многие авторы (А.В.Федоров, К.И.Чуковский, В.С.Виноградов, Т.А.Казакова) подчеркивают творческую составляющую перевода в целом и художественного перевода в частности. Переводчик должен передать мысль автора, но в то же время он является и соавтором, и автором текста перевода (Львовская 2008, 105). Таким образом, в переводе необходим творческий выбор (Федоров 1941: 18), который порой иррационален. Процесс перевода во многих случаях характеризуется не четким алгоритмом, а тем, что принято называть эвристикой – неуниверсальными приемами, ценность которых оправдывается достижением поставленной изначально цели (Казакова 2002: 19).

Художественный перевод и перевод художественной литературы – неравнозначные понятия (Казакова 2002: 6). Первый термин указывает на стратегию, способ перевода, второй – на тип переводимого текста. В данном исследовании мы будем анализировать переводческие трансформации в рамках перевода художественного текста, так как понятие художественного текста несколько шире и в то же самое время не исключает понятия художественного перевода.

Стоит отметить, что переводоведение как наука сформировалось на базе именно художественной литературы (Жукова и Бурукина 2002: 259). Художественная литература обладает особым колоритом (Влахов и Флорин 1980: 7). Национальный колорит в той или иной степени неизбежен практически в любом художественном произведении ввиду принадлежности его автора к определенному культурно-языковому пространству, и в переводном тексте он особенно заметен. Передача национального колорита представляет

собой проблему для переводчика, и успех в ее решении во многом зависит от интерпретационной позиции – переводческой установки (Казакова 2002: 16).

Художественный перевод – явление литературной жизни (Федоров 1941: 4). Многие аспекты художественного перевода имеют право рассматриваться в рамках переводоведения, существует даже литературоведческая теория перевода (Бархударов 1975: 43). Перевод, являясь уже новым текстом, выполняет важную функцию замещения оригинала в иноязычном культурном пространстве (Казакова 2002: 5). Переводной текст при этом должен с максимально возможной точностью передать описание деталей жизни в ином социокультурном пространстве, равно как и художественные особенности произведения. При этом невозможно заранее предугадать место «пересаженного на новую языковую почву» (Федоров 1941: 27) переводного текста в литературной традиции ПЯ (языка перевода), его социально-культурную функцию в новой среде (Львовская 2008, 141). Во многом именно от переводчика будет зависеть литературная ценность переводного текста. Один из основоположников испанского переводоведения В. Гарсиа Йебра отмечал, что литературные критики незаслуженно обходят вниманием перевод и его качество [Yeбpa 2003: 300]. Однако необходимо признать, что эстетическая ценность перевода все же не может быть равна ценности оригинала (Оболенская 1997: 23).

Если говорить о произведении, анализируемом в данной работе, то оно, наряду с другими произведениями Светланы Алексиевич, несомненно, имеет предпосылки к тому, чтобы стать частью мирового литературного наследия. Мировой известности этого автора во многом способствовала тематика, советская и постсоветская жизнь показана здесь с новой стороны. За свой вклад в мировую культуру С.А.Алексиевич в 2015 году получила Нобелевскую премию по литературе. Книга «Время секунд-хэнд» - последнее произведение из серии «Голоса утопии». В нем, помимо художественного, много элементов газетного стиля и разговорной речи, так как его основу составляют рассказы

очевидцев событий. Эти сведения о жанрово-стилевой принадлежности оригинала должны помогать переводчику при переложении произведения на другой язык. «Время секунд-хэнд» – проза, но в книге есть некоторое количество стихотворных вставок. Мы не ставим перед собой задачу анализировать их подробно с точки зрения литературно-эстетической составляющей стихотворного перевода, ибо стихотворные переводы всегда несомненно дальше от оригинала, чем переводы прозы (Федоров 1941: 106). В рамках данного исследования представляется более целесообразным рассматривать эти вставки с точки зрения того, что они в большинстве своем представляют собой прецедентные тексты (стихотворения, песни, гимны), то есть являются реалиями советской и русской культуры.

Перевод художественного текста неразрывно связан с литературной традицией обеих культур (Казакова 2002: 11), исходный текст является частью одной литературной традиции, а его перевод попадает в среду литературы принимающей культуры и осуществляется в рамках переводческой традиции данной страны или региона. Накопление традиций переводов в определенном языковом пространстве может играть существенную роль и влиять на последующие переводческие работы (Оболенская 1997: 39). Например, в русской переводческой традиции XVIII-XIX веков переводной текст имел большую самостоятельность, не было четкой грани между переводом и переделкой (Федоров 1941: 45), что во многом повлияло на тенденции XX века – переводчики стремились к более точной передаче конструкций иногда в ущерб художественности, в то время как установку на родной язык можно было делать чаще (Федоров 1941: 63).

Испания оказалась среди стран, где переводческая деятельность активно развивалась и в XX веке приобрела довольно широкий размах, равно как и в нашей стране (Иовенко 2013: 7). Одна из старейших переводческих школ в Европе, вобравшая в себя также богатейшие знания арабской и еврейской культур, существовала в Толедо еще в XII веке [Gargatagli 1999: 10]. Массовые

переводы с русского языка на испанский появляются уже с 80-х годов XIX в., переводы с русского занимали и занимают пятое место в испаноязычной переводческой практике. После переводов с языков-посредников в Испании наступает эпоха переводов сначала русскими эмигрантами, а затем испанцами, репатриировавшимися после гражданской войны в Испании (Оболенская 1997: 19-20). Переводческий бум в 70-80-х годов XX века приносит с собой переводоведческий бум, знаковыми именами которого становятся Валентин Гарсия Йебра и Хулио Сесар Сантойо (Оболенская 1997: 3). Свой вклад в развитие переводоведения внес и знаменитый испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет, чьи взгляды на перевод с позиций герменевтики как на особый жанр, имеющий перед собой цель максимально конкретно представить читателю образ мыслей автора и его язык, довольно сильно отличаются от современного коммуникативного подхода [Ordóñez López 2006: 53].

Анализируемые в данной работе переводы выполнены европейскими переводчиками, и по этой причине латиноамериканская переводческая традиция нами не рассматривается, однако вклад латиноамериканской переводческой традиции в частности, испаноязычной, в богатство и разнообразие переводов с русского языка, продемонстрированный такими исследователями как Ю.Л. Оболенская, нами не оспаривается.

Если цель перевода – осуществление межъязыковой коммуникации, то главная цель художественного перевода – межъязыковая эстетическая коммуникация. Она осуществляется путем интерпретации исходного текста, выраженной в переводе на другой язык (Оболенская 1997: 28). Таким образом, представляется необходимым указать на связь перевода с понятием текста, который, в свою очередь, обладает уровнями упорядоченности: звукометрической, смысловой и лексико-грамматической (Казакова 2002: 10). В художественном тексте также встречаются различные типы окказиональной (речевой, контекстуальной) информации: ассоциативно-образная (переносные употребления, авторские приемы), словотворчество, аллюзивная информация

(прецедентные тексты), а также функциональная (в этом случае обыкновенно нейтральные слова приобретают смысловую окраску) и паралингвистическая (Виноградов 1978: 43-45). К паралингвистической информации относятся черты личности автора, которые могут помочь переводчику прийти к более глубокому пониманию авторского замысла, а значит, и к более верному переводу. С.А.Алексиевич смотрит на советскую действительность скорее с критической точки зрения, в то же время стремясь к объективизации, последнее отражено в самом произведении посредством элементов публицистического стиля (жанр интервью, запись рассказов очевидцев). В своей Нобелевской речи С.А.Алексиевич подчеркивает, что она – «человек-ухо» (<http://nobelprize.org>). Высокая, с точки зрения автора, идеологизация советской действительности, грубость и жестокость «палачей и жертв» советских и постсоветских времен нашли отражение и в языке книги «Время секунд-хэнд» (<http://kommersant.ru>).

Для лучшего перевода переводчик сначала должен понять авторский мотив, авторскую задумку при использовании того или иного средства, что неизбежно приводит к элементам оценки и личной интерпретации текста переводчиком (Оболенская 1997: 28). К другим элементам литературоведческого анализа, включающего в себя и психологический аспект, относится и концептуальный анализ образа – выделение его субъективно-предикативных свойств, за которым следует поиск переводческих решений для их выражения (Казакова 2002: 21).

Основным способом передачи авторского текста на другом языке, служит, разумеется, передача значений его составляющих – референциального (отражающего явления действительности) и прагматического (субъективного, эмоционального) (Бархударов 1975: 65-66). В художественном тексте, ввиду его повышенной субъективности и роли авторской оценки событий, иногда жертвуют референциальными значениями в пользу прагматических. Вершина прагматической структуры текста – и есть замысел автора (Львовская 1985: 130).

Как и в любом типе перевода, в переводе художественного текста необходимо стремиться к эквивалентности – передаче неизменного плана содержания при соблюдении норм языка перевода (Бархударов 1975: 186). Критерии эквивалентности обусловлены прагматической стороной перевода и опираются на литературно-переводческую традицию конкретной страны (Оболенская 1997: 30-31). Если говорить конкретнее о прагматической стороне перевода, то грамотно выполненный перевод должен производить примерно тот же эмоциональный эффект на читателя, что и эффект оригинала (Александрова 2001: 6). Еще К.И.Чуковский в своей работе «Высокое искусство» (1968) советовал переводить «смех – смехом, а улыбку – улыбкой» (Чуковский 1968: 61).

В качестве вывода к вышесказанному можно привести два основных объективных условия перевода художественного текста, сформулированные Т.А.Казаковой (Казакова 2002: 13-14). Во-первых, это передача художественных функций, а не просто языковых знаков, и в случае с художественным текстом на эстетическо-прагматическую сторону следует делать особый акцент, так как с ее помощью передается коммуникативное задание автора оригинала. И второй критерий – понимание смысла текста, то есть системы его образов.

§2. Виды переводческих трансформаций

Перед переводчиком художественного текста всегда стоит непростой выбор: сохранить авторский прием или перевести ближе к нормам родного языка? (Оболенская 1997: 36). С одной стороны, сам тип текста говорит нам о сохранении художественных функций текста, с другой – понятие эквивалентности подразумевает ориентированность на нормы языка перевода. В итоге при попытке наиболее точно передать содержание может пострадать художественная составляющая, равно как и наоборот (Федоров 1941: 240).

В поисках оптимального варианта для сохранения точности и художественности переводчиками активно используются различные типы

переводческих трансформаций – лексико-грамматических преобразований, перестановки смысловых элементов и так далее (Бархударов 1975: 16-17).

Здесь мы рассмотрим несколько основных типов переводческих трансформаций, принятых в работах исследователей (Л.С.Бархударов, З.Д.Львовская). Их можно классифицировать следующим образом:

- *Перестановки*. К ним относятся различные синтаксические преобразования на уровне словосочетаний и предложений: бескорыстная помощь – *ayuda desinteresada* (исп.) (Львовская 1985: 184), *ajuda desinteressada* (португ.)
- *Добавления* – лексическое расширение как по стилистическим соображениям, так и ввиду отсутствия той или иной конструкции или термина в языке оригинала: Я впустил его – *Le hice entrar* (исп.) (Львовская 1985: 217), *Fiz-lhe entrar* (португ.).
- *Замены* – используются на самых разных уровнях: грамматические, лексические (такие как конкретизация или генерализация), замена частей речи или видов синтаксической связи, компенсация. Замена вида подчинения: шоколадный торт – *tarta de chocolate* (исп.) (Львовская 1985: 189), *bolo de chocolate* (португ.). Конкретизация лексического значения глагола: Смотри, кто идет – *Mira quién viene* (исп.) (Львовская 1985: 206), *Olha quem vem* (португ.). Отдельно стоит отметить прием компенсации, который можно определить как воспроизведение какой-либо языковой особенности «в наиболее благоприятных условиях» (Федоров 1941: 223).
- *Опущения* – эллипсис определенного элемента, необязательного для выражения в ПЯ: транснациональные компании – *las transnacionales* (исп.) (Львовская 1985: 222), *as transnacionais* (португ.).

В чистом виде переводческие трансформации встречаются редко (Бархударов 1975: 230). Многие трансформации обусловлены структурными

различиями между языками, например, в испанском языке временные значения выражены более дифференцированно (Львовская 1985: 172).

Лексикой в тексте представлена его информативная структура. Существует два типа (объема) информации – лингвистическая (служебная) и экстралингвистическая (знаменательная) (Виноградов 1978: 37), к которой относятся, в числе прочих, смысловая, фоновая (фоновые знания, культура языка оригинала) и эмоционально-экспрессивная информация (Виноградов 1978: 39-41). О последних двух речь пойдет подробнее в следующих параграфах.

Межъязыковые переводческие лексические соответствия (эквиваленты) можно также классифицировать по следующим признакам: по форме (эквивокабульные и неэквивокабульные), объему информации (полные и частичные) (Виноградов 1978: 65-68), способу перевода – прямые, синонимические, гипонимические, дескриптивные, функциональные, престационные (транскрибированные реалии) (Виноградов 1978: 80).

Уже упоминалось о возможности осуществления различного типа трансформаций на синтаксическом уровне. Синтаксис, наряду со смысловыми элементами произведения, создает особый ритм в художественном тексте, как стихотворном, так и прозаическом. Под ритмом художественной прозы следует понимать порядок расположения синтаксических элементов и смысловых структур, эмоциональное нагнетание, связь фраз, синтаксические фигуры (например, синтаксический параллелизм) (Федоров 1941: 121). Синтаксическую структуру произведения важно уметь правильно интерпретировать и не путать вполне естественные для той или иной литературной традиции языковые особенности с неточностью авторского стиля. Так, особенности синтаксиса в русской прозе ранее оценивались испаноязычными переводчиками как небрежность в выражении мысли, и поэтому не передавались (Оболенская 1997: 38).

Необходимо также принимать во внимание контекст, который может быть широким (абзац, глава) и узким (словосочетание, предложение) (Комиссаров 1960: 12). При наличии соответствующего контекста появляется возможность осуществлять трансформации, которые не были бы возможны вне его или в другом контексте – то есть, контекстуальные замены, к которым относят приемы смысловой дифференциации и конкретизации, прием смыслового развития и антонимический перевод (Комиссаров 1960: 69).

Еще раз отметим, что, выбирая тот или иной тип трансформации, необходимо учитывать не только языковые, но и коммуникативные критерии эквивалентности (Львовская 2008, 24). Они приобретают все большую значимость в свете коммуникативно-функциональной ориентации большинства современных исследований в области перевода (Иовенко 2013: 11).

В дальнейшем мы рассмотрим различные переводческие приемы в художественном тексте на материале реалий, к которым можно отнести в том числе имена собственные и эмоционально окрашенную лексику.

§3. Реалии (фоновая информация)

Фоновая информация представляет собой сведения социокультурного характера в конкретном языковом сообществе, знакомые большинству его членов и нашедшие отражение в языке данной культуры (Виноградов 1978: 84). Это и культура языкового сообщества, и шире – «широкий контекст реальной действительности» (Комиссаров 1960: 14), характеризующий конкретную культуру. В.А.Иовенко использует также термин «культурологические детерминанты», подразумевая под этим особенности восприятия и языковых номинаций, а также социокультурный потенциал, к которому относятся реалии данного общества. Культурологические детерминанты относятся к детерминантам коммуникативной деятельности (Иовенко 2013: 31).

Бесспорна необходимость широких познаний в области истории, политики и социальной ситуации в стране или странах ПЯ для осуществления действительно качественного перевода (Львовская 1985: 25). Фоновые знания,

наряду с концептуальными знаниями представителей обеих культур в межъязыковой коммуникации и знаниями о нормах речевого поведения, по мнению З.Д.Львовской, принадлежат к культурно-когнитивным факторам, влияющим на работу переводчика (Львовская 2008, 113).

Риск недопонимания присутствует не только из-за того, что читатель ПЯ получает текст через посредника-переводчика, который может допустить ошибку или неточность в выражении, но и по определению перевода как коммуникации, носящей межкультурный характер (Львовская 2008, 82). В разных обществах существуют разные нормы поведения, в том числе речевого поведения, например, использование местоимений (Львовская 2008, 83). Фоновые знания помогают тексту обрести смысловую упорядоченность (Казакова 2002: 12), а в случае непонимания смысловая упорядоченность может быть нарушена, и смысл текста для носителя ПЯ представится в искаженной форме. Языковая картина мира, которая является частью общей картины мира, расположенной более глубоко в сравнении с остальными ее составляющими, ярче всего проявляется при межъязыковой коммуникации, чтении иноязычных текстов (Иовенко 2013: 42-43). Ее особенности и могут стать причиной различной оценки явлений и ситуаций (Иовенко 2013: 51). Однако несовпадение фоновых знаний у носителей ПЯ по сравнению с носителями ПЯ, по сути, нормально – ведь они принадлежат к разным культурам (Бархударов 1975: 35). Некоторыми вопросами языковой картины мира занимаются такие науки как социолингвистика и этнолингвистика.

Итак, уже на первом уровне распознавания знака – соотнесении с уже знакомым (Казакова 2002: 15) – при чтении текста, порожденного иной культурой, может возникнуть недопонимание. Этот национально-культурный дифференциал переводчику необходимо нейтрализовать (Иовенко 2013: 53). Но не убрать вообще, а восполнить пробел в фоновых знаниях читателя ПЯ своими средствами и постараться сделать неясное ясным. Недопонимание возникает

чаще всего при встрече в тексте с определенной лексикой, характерной для культуры языка оригинала, реалиями этой культуры.

Реалия – слово или словосочетание, обозначающее объекты, присутствующие в одной культуре и не присутствующее в другой; это носитель национального колорита, который, как правило, не имеет точных межъязыковых эквивалентов (Влахов и Флорин 1980: 47). На отсутствие межъязыковых соответствий к реалиям указывают и другие исследователи (Комиссаров 1960: 23). Причины наличия безэквивалентной лексики может быть несколько: отсутствие аналогичного предмета или явления в принимающей культуре, отсутствие данного понятия в ПЯ, различие лексико-стилистических характеристик языков (Иовенко 2013: 103).

С одной стороны, переводчик сталкивается с огромными трудностями при передаче несуществующих понятий, названия которых только предстоит создать, по сути, в его задачу входит создание неологизма в языке перевода (Федоров 1941: 22). С другой стороны, реалии также выполняют функцию обогащения ПЯ, пополнения его лексикона благодаря литературно-эстетическому взаимодействию с другими культурами.

Способы классификации реалий:

- Предметное деление: географические, этнографические (быт, труд, искусство и культура, этнические объекты, меры и деньги), общественно-политические (названия организаций, учреждений и т.д.) и военные;
- Местное деление: в плоскости одного языка (свои и чужие) или пары языков (внутренние и внешние);
- Временное деление: современные и исторические;
- Переводческое деление (Влахов и Флорин 1980: 50-65).

Реалии не стоит путать с экзотизмами (например, для жителей южных стран слово «снег» является экзотизмом, а не реалией) (Влахов и Флорин 1980: 31).

Соответствие между затранскрибированной реалией в переводе и словом-реалией оригинала называется престаионным соответствием (по способу перевода) (Виноградов 1978: 83). Затранскрибированное слово-реалию нельзя считать полным функциональным эквивалентом в ПЯ, так как оно выполняет другую функцию в принимающей культуре.

Основными способами перевода слов-реалий являются: транскрипция или транслитерация, гипонимический перевод, уподобление и перифрастический (описательный) перевод (Виноградов 1978: 101-102). К последнему типу можно отнести опущения, переосмысления, но преимущественно – добавления страноведческого, литературоведческого, политического толка (Иовенко 2013: 184). В целом способы передачи реалий в переводном тексте можно разделить на две группы: транскрипция или перевод (Влахов и Флорин 1980: 93).

Согласно мнению некоторых авторов, разные типы перевода реалий в одном тексте лучше не смешивать (Влахов и Флорин 1980: 117). С другой стороны, очень многое зависит от того, зафиксирована ли данная реалия в словаре, уже переведенная одним из существующих способов (Влахов и Флорин 1980: 19).

По мере сближения двух культур и развития переводческих традиций в определенной языковой паре могут возникать уже ассимилированные реалии, такие как *rublo*, *estepa*, встречающиеся в переводах с русского на испанский 30-х годов XX в. (Оболенская 1997: 38).

В то время как существуют реалии, эксплицитно выраженные, но нерелевантные при переводе, есть также и ассоциативные реалии, они имплицитны, это обычные на первый взгляд слова, заключающие в себе особый для данной языковой общности смысл (Виноградов 1978: 88). Этот вид реалий могут выражать разные типы лексики, например, вегетативные или анималистические символы, цветовая символика, аллюзии на фольклор и литературные произведения (Виноградов 1978: 96). Эти слова могут иметь

одинаковое референциальное значение как в языке оригинала, так и в языке перевода, но в связи с фоновыми особенностями разных культур возникают разные коннотации (например, черемуха – символ весны в русской культуре) (Бархударов 1975: 123). В книге С.А.Алексиевич отражена действительность советского и постсоветского периода, поэтому очевидно, что одной из основных ассоциативных реалий здесь является цветовая символика красного.

К ассоциативным реалиям можно отнести названия газет, произведений искусства и цитаты из них (Влахов и Флорин 1980: 213). Такие реалии содержат аллюзивную информацию (Виноградов 1978: 43-45), например, основная цель употребления в тексте названий литературных произведений или цитат из них – отсылка к прецедентным текстам-реалиям.

Однако культурная интертекстуальность (понятие, впервые введенное З.Д.Львовской), во-первых, не всегда релевантна для авторского замысла, а во-вторых, носитель ПЯ может просто не понять определенных аллюзий, не будучи знакомым с другой культурой. В таких случаях либо прибегают к лексическим добавлениям, либо аллюзия просто теряется при переводе, как произошло с аллюзией на рыцарские романы в «Дон Кихоте» М.Сервантеса (Львовская 2008, 86-87). Если реалия действительно нерелевантна при переводе, то в данном контексте ее можно охарактеризовать как мнимую реалию (Влахов и Флорин 1980: 33).

Несколько слов стоит сказать и о переводе заголовка непосредственно самого произведения. При анализе заголовка необходимо учитывать важность его функции в качестве первого знака текста, в данном случае текста художественного. Заглавие имеет ряд функций, помимо номинативной, в том числе концептуальную, предизирующую (для установления основных категорий, в частности, временной категории ретроспекции) и рекламную (Безрукова 2003: 45-46). Замена заголовка переводчиком возможна, но при условии, что сохраняется концептуальная программа автора: например, при переводе названия романа «Двенадцать стульев» на английский как «Diamonds

to Sit On» основная идея произведения была сохранена. Испанские заголовки, в частности, в СМИ, намного более информативны и конкретны, чем русские (Иовенко 2013: 166-168). То же происходит и в переводных заголовках по сравнению с исходными в связи с тем, что читателю перевода как представителю иной культуры, возможно, будет труднее интерпретировать глубинный смысл иносказательных заглавий.

§4. Фразеологические единицы и каламбуры

По мнению таких известных исследователей в области перевода реалий, как С.Влахов и С.Флорин, фразеологические единицы (пословицы, поговорки) также следует считать реалиями (Влахов и Флорин 1980: 19).

Выделяют два основных способа перевода фразеологизмов – эквивалентный и описательный (Дубровская 2003: 151).

Эквивалентный, в отличие от описательного, в котором переводчик осуществляет описание фразеологической единицы произвольно, содержит относительный фразеологический компонент, который в статье О.Г.Дубровской рассматривается на примере перевода фразеологизма «*when the pigs fly* – когда рак на горе свистнет» (Дубровская 2003: 152). В испанском и португальском языках также можно подобрать эквиваленты данной фразеологической единице, построенные по схожей схеме – «*cuando las ranas críen pelo*» (исп.) и «*quando as galinhas tiverem dentes*» (порт.). Однако всегда необходимо учитывать коммуникативно-функциональные особенности фразеологических единиц, а также контекст для того, чтобы найти аналог, в той или иной степени соответствующий фразеологизму в оригинальном тексте (Дубровская 2003: 155). Перевод-аналог даже с учетом этих факторов не всегда дает положительный результат. Переводить аналогом «*ездить в Тулу со своим самоваром*» английский фразеологизм, содержащий в себе географические и экономические реалии английской культуры («*to carry coals to Newcastle*»), являет собой противоречие реально-фактическому содержанию оригинала (Федоров 1941: 40). Здесь уместно и следующее требование к переводу реалий,

предложенное С.Влаховым и С.Флориным: реалию реалией передавать нельзя (Влахов и Флорин 1980: 101).

Различного рода игра слов является отличным примером выдвижения формальных задач на первый план, что характерно для элементов художественного текста в целом (Казакова 2002: 20). К разновидности языковой игры можно отнести каламбур, состоящий из собственно-фразеологического компонента и измененного компонента, создающего игру слов, так называемого «элемента-перевертыша» (Виноградов 1978: 153). В случае с каламбурами крайне редко удается совмещать полное соответствие и краткость при переводе (Федоров 1941: 226).

§5. Советизмы

Книга Светланы Алексиевич, рассматриваемая в данной работе, изобилует реалиями советской и постсоветской действительности, то есть, советизмами. По мнению С.Влахова и С.Флорина, советизмы следует отнести к региональным реалиям, принадлежащим и понятным целой группе стран коммунистической направленности (Влахов и Флорин 1980: 61). Но их работа была издана в 1980 году, и как быть сейчас, если блока коммунистических стран, по сути, больше не существует? Конечно, реалии и термины могут устареть, но остаться в языке (Влахов и Флорин 1980: 327). Советизмы, без сомнения, следует рассматривать уже в исторической плоскости, как устаревшие реалии, их нельзя считать отдельным историческим пластом в истории развития русского языка. В более поздних статьях советизмы уже причисляют к разряду новоисторизмов (Купина 2009: 35-40). С другой стороны, при переводе советизма на язык, в словарном запасе которого не отражено данное понятие, советизм может выполнять роль неологизма в ПЯ.

Советизмы – это реалии, связанные с социалистическим строем в СССР, его организацией (*колхоз, комсомолец*), политическим устройством и жизнью его граждан, события, связанные с жизнью СССР и, кроме того, лексика сопротивления (*самиздат, стилига*) (Купина 2009: 35-40). К советизмам

причисляются и некоторые аббревиатуры, которые стали советскими реалиями благодаря сложносокращенной форме, особенно популярной в СССР (*педсовет, партактив*) (Влахов и Флорин 1980: 146).

Существовал и существует также особый язык тоталитарной власти – официальный язык властных структур, навязываемый обществу не только в СССР, но и, например, в гитлеровской Германии и других странах (Чудакова 2007: 234). Большой процент советизмов составляют слова политической лексики, что связано с ее широкой экспансией в СССР, начавшейся сразу после Октябрьской революции (Чудакова 2007: 241).

На протяжении всего существования советизмов наблюдается некоторый сдвиг их прагматического значения по сравнению со словами общего лексикона. С одной стороны, в процессе создания советизмов происходило обесцвечивание прежде эмоционально окрашенных выражений (Чудакова 2007: 258), с другой – приобретение негативных коннотаций в нейтральных прежде словах в связи с политической подоплекой (например, *собственник*) (Чудакова 2007: 270). После распада Советского Союза начался процесс деидеологизации, и с 90-х годов советизмы часто употребляются с неодобрительной коннотацией (Купина 2009: 35-40).

Советизмы, ввиду своего идеологического происхождения, обладают не столько национальным колоритом, сколько социальным, к тому же, не все советизмы являются безэквивалентными (Влахов и Флорин 1980: 142-143). Правильнее всего было бы располагать советизмы на границе между реалиями, терминами и общей лексикой (Влахов и Флорин 1980: 145).

§6. Эмотивность (эмоционально-экспрессивная информация)

Эмотивный компонент присутствует в высказывании наряду с другими. Эмотивный компонент мало изучен (Александрова 2002: 5), что может, соответственно, вызывать трудности и при переводе ЭВ (эмотивных высказываний).

Если в устной речи эмоции можно выразить интонацией, мимикой, жестами, то в тексте те же самые эмоции можно выражать с помощью стилистических приемов (эпитеты, метафоры), а также так называемых кинем (слов, обозначающих движения лица и тела) (Жукова и Бурукина 2002: 260). Эмотивная составляющая самых разных лексических единиц может быть основана в том числе и на традициях и особом мировидении каждого народа. Так, переложение зооморфных метафор представляет собой культурную и лингвистическую проблему ввиду разных эмотивных коннотаций, которыми обладает образ того или иного животного в разных культурах (Старцева 2003: 348). Например, гусь имеет пейоративную коннотацию в русской культуре сильнее, чем в английской (там же). Таким образом, тот или иной эмотивный оттенок может не присутствовать в культуре ПЯ, либо иметь разную иллокутивную силу, и поэтому быть не понятым носителем ПЯ.

Коммуникативное намерение, в зависимости от ступени, может выражаться разными способами: КН (коммуникативное намерение) первой ступени – междометия, интонация в виде восклицательных знаков, оценочная лексика, КН второй ступени – скопления ЭВ, повторы (Александрова 2001: 6).

Отдельное внимание стоит уделить нецензурной лексике как маркеру эмотивности и наиболее яркому показателю усиления коммуникативного намерения автора (Александрова 2002: 6). Матерная лексика встречается довольно часто и в тексте С.А.Алексиевич. При переводе такого рода пейоративной лексики традиционно рекомендуется несколько смягчать ее иллокутивную силу и не переводить мат слишком тщательно, буквально (Казакова 2002: 25). Особенно это актуально при переводе с русского языка, так как в русской культуре нецензурная лексика обладает повышенными пейоративными коннотациями.

При переводе эмотивных высказываний стоит учитывать, кроме того, что не всегда буквальный перевод оказывает на читателя тот же эмоциональный эффект, даже будучи безукоризненным с точки зрения формальной структуры

языка. К примеру, известно, что характерная психологическая особенность испанского менталитета, как и менталитетов южных культур в целом – более высокий уровень экспрессивности, жизнерадостность. (Иовенко 2013: 48).

§7. Имена собственные

Имена собственные также относятся к разряду культуронимов, то есть реалий, относящихся к культурологической сфере, наряду с названиями литературных произведений в образном значении или аллюзий к ним (Рубцова 2002: 432). Они составляют основу межкультурной коммуникации, благодаря которой представители разных культур получают информацию друг о друге (Ермолович 2001: 3). Некоторые исследователи даже выделяют имена собственные в самостоятельный класс безэквивалентной лексики (Влахов и Флорин 1980: 13).

Имена собственные выполняют функцию индивидуализирующей номинации. Одним из компонентов значения является характеризующий компонент, то есть, набор информативных признаков и ассоциаций, связанных с данным именем собственным: например, характеризующим компонентом к имени собственному «Ниагара» являются разные общеизвестные его характеристики и ассоциации, связанные с ним («река в Северной Америке», «Ниагарский водопад») (Ермолович 2001: 12). Благодаря этим признакам через номинативный перенос может происходить переход имен в собственных в имена нарицательные (Ермолович 2001: 9).

Пожалуй, самым популярным способом перевода имен собственных является транскрипция (фонетическое подобие). Интересно, что при транскрипции и транслитерации единицей перевода становится не слово, а фонема (Бархударов 1975: 176).

Транслитерация (графическое подобие) сегодня в чистом виде не популярна (Ермолович 2001: 18), особенно по сравнению с транскрипцией (Комиссаров 1960: 111). Оптимальным решением вопроса представляется

широко используемая практическая транскрипция, которая содержит лишь некоторые элементы транслитерации (Ермолович 2001: 20).

Однако в любом случае при переводе любого имени собственного необходимо учитывать традицию и проверять по словарям, не имеет ли данное имя собственное традиционного соответствия (Ермолович 2001: 33).

Существует и смысловой перевод имен собственных. Тем не менее, его можно встретить, скорее, в случаях уже традиционно закрепленных межъязыковых соответствий, так как в современной переводческой традиции он применяется достаточно редко (Виноградов 1978:128).

К возможным способам перевода имен собственных относится также транспозиция – замена эквивалентом одинакового лингвистического происхождения (*Petro* – *Pётр*) (Ермолович 2001: 24). В этом случае происходит ассимиляция имени собственного, адаптация его под систему имен собственных, традиционных для культуры ПЯ. Этот способ имеет очень ограниченную сферу использования и пригоден в основном для традиционных имен в близкородственных языках, потому как не стоит забывать о том, что имя собственное обычно имеет ярко выраженную языковую принадлежность (Ермолович 2001: 21). Например, ранее в испанской практике переводов с русского языка имена собственные передавались смешанным способом, с частичной транспозицией, что нарушало национальный колорит произведения: *Pedro Bezoukof* (Оболенская 1997: 37). Некоторые имена собственные все же вошли в ПЯ в традиционно адаптированном варианте: так, в испаноязычной традиции имя писателя Л.Н.Толстого чаще всего передается как *León* (Влахов и Флорин 1980: 225), в то время как в португалоязычной среде встречаются различные варианты, как адаптированное *Leão*, так и транскрибированное *Liev* или транслитерированное *Lev*.

Для достижения более адекватного перевода, то есть, такого перевода, который оказывал бы на читателя эффект, сравнимый с эффектом от оригинала на носителя языка (и культуры) оригинала переводчиками применяется

комментирующий перевод (сноски, комментарии внизу страницы), уточняющий перевод (краткое объяснение прямо в тексте), описательный перевод или преобразующий перевод (замена другим именем собственным) (Ермолович 2001: 35-36).

Уменьшительно-ласкательные суффиксы в русскоязычных антропонимах также отражают национальный колорит (Влахов и Флорин 1980: 223). Ласкательная лексика предполагает, прежде всего, смягчение иллокутивной силы (Александрова 2002: 7). Заметим, что сокращенная или уменьшительная форма русского имени не обязательно обладает положительной коннотацией: например, *Колька* (Ермолович 2001: 45) При этом уменьшительно-ласкательные суффиксы в других языках нередко не совпадают по эмоциональной окраске с русскими, поэтому некоторые значения суффиксов субъективной оценки можно добавлять с помощью оценочных прилагательных (Виноградов 1978: 131).

В русском языке ласкательные формы имен собственных имеют определенную соотнесенность с речевой культурой страны – они используются очень часто, в большинстве ситуаций неформального общения. Несоблюдение правил русской речевой культуры особенно заметно при попытке создания произведения, отображающего русскую действительность иностранными авторами; так, в одном фильме англоязычного производства, действие которого происходит в России, жена называла мужа только Михаил, что в русской действительности едва ли возможно. (Иванова 2002: 271). Другая проблема состоит в том, что связь между русскоязычным именем и его вариантом (сокращенным, ласкательным) не всегда очевидна для носителя ПЯ (Ермолович 2001: 27). Ласкательные формы русскоязычных имен при переводе рекомендуется употреблять только в обращении и стараться не использовать больше одного уменьшительного варианта (Ермолович 2001: 53).

Русские отчества не имеют аналогов в других европейских культурах и зачастую бывают восприняты носителями других культур как фамилии (Ермолович 2001: 42). Кроме того, обращение по имени-отчеству в русской

культуре – показатель уважительного отношения (Ермолович 2001: 55). Вряд ли такое коммуникативное намерение будет понятно иностранцу без дополнительных объяснений.

Так называемые «говорящие» имена собственные относятся к категории смысловых (Виноградов 1978: 134) и представляют собой отдельную переводческую проблему, универсальные рекомендации к которой едва ли существуют. Прозвища смешанного типа широко распространены в фольклорной русской традиции: Иванушка-дурачок, Варвара-краса (Ермолович 2001: 103).

К категории имен собственных относятся также топонимы. Некоторые из них имеют типичные для данной языковой среды формальные особенности (суффиксы -град, -дск, -вль), которые могут быть переданы и при создании наименований для вымышленных объектов: *Никогдавль* (Ермолович 2001: 106). Для советского периода было характерно добавлять к названиям объектов, учреждений дополнительный компонент «имени» (*завод имени Хруничева*), который, согласно мнению некоторых авторов, при переводе с русского обычно не передается (Ермолович 2001: 128).

§8. К вопросу о непереводаемости

Возможность равноценности перевода и оригинала всегда был и остается одним из центральных вопросов переводоведения (Федоров 1941: 4). Возможна ли вообще полноценная межъязыковая коммуникация? Символом языковой разобщенности с древних времен считали Вавилонскую башню (Иовенко 2013: 5). При этом понятия подобия и эквивалентности в целом довольно расплывчаты (Казакова 2002: 6), так как между словарными составами двух языков, как известно, прямого соответствия нет (Комиссаров 1960: 9). Кроме того, разница проявляется в сочетаемости языковых единиц еще сильнее, чем в номенклатуре (Львовская 1985: 16). Важен и человеческий фактор – текст никогда не воспринимается читателем в эмоциональном вакууме, равно как и у переводчика тоже есть свои эмоции (Казакова 2002: 22). Оптимальной

стратегией в случае с переводом художественного текста было бы равновесие рационального и эмоционального элементов (Казакова 2002: 25), так как при потере эмоционального и чрезмерной рациональности могут пострадать художественность и авторский стиль.

Стоит отметить, что есть некоторая разница между понятиями эквивалентного и адекватного перевода. Эквивалентный перевод подразумевает соответствие как замыслу исходного текста, так и новой коммуникативной ситуации в ПЯ, адекватный перевод – только новой коммуникативной ситуации (Львовская 2008, 88). Отсюда следует, что понятие эквивалентности несколько шире понятия адекватности.

Перевод представляет собой неразрешимую задачу лишь с формалистической точки зрения (Федоров 1941: 206). Многолетний практический опыт переводчиков со всего мира, тем не менее, свидетельствует о том, что переводимость существует (Влахов и Флорин 1980: 5). Перевод в целом представляется возможным благодаря большому количеству закономерных лексических соответствий, которые можно объяснить общностью цивилизации и единообразием законов человеческого мышления. (Виноградов 1978: 52). Помимо уже существующих закономерных соответствий, за счет постоянной межкультурной коммуникации постоянно возникают и новые, происходит обогащение словарного состава языка.

Для более наглядного рассмотрения способов достижения эквивалентности мы будем исследовать перевод одного и того же произведения на два близкородственных языка, то есть, фактически, проведем анализ в рамках двух пар языков при переводе: русский-испанский и русский-португальский. Близкое родство между этими двумя ПЯ позволит выявить типологические сходства и различия в области перевода.

Глава II. Анализ переводческих трансформаций в книге С.А. Алексиевич «Время секунд хэнд»

§1. Общие положения. Заголовок

В настоящей работе рассматриваются различные виды переводческих трансформаций на примере наиболее трудных, на наш взгляд, моментов перевода, уже рассмотренных в первой главе. Особый акцент делается на переводе с русского на испанский и португальский языки:

- Реалий, и в их числе – огромного количества советизмов, которые встречаются в анализируемом произведении;
- Фразеологических элементов;
- Эмоциональной лексики;
- Имен собственных.

Стоит заметить, что при работе с художественным текстом переводчик менее стеснен в своей деятельности, нежели при переводе текстов официально-делового или технического характера, отсюда следует, что в художественном тексте можно наблюдать большее количество переводческих приемов.

Первую серьезную трансформацию мы наблюдаем уже в первом знаке текста, то есть в заголовке: он полностью изменен в обоих переводах. Вместо оригинального названия произведения С.А.Алексиевич «Время секунд-хэнд» видим “El fin del «Homo sovieticus»” в испанской версии и “O fim do homem soviético” – в португальской. Заголовок «Время секунд-хэнд» среди прочего указывает на место советской культуры в жизни современной России – популярность советской символики, интерес молодежи к СССР в сочетании с ностальгией по прошлому у старшего поколения, возрождение авторитаризма: Наступило время секунд-хэнд (BCX 2016: 15)¹. Сходным образом мысль о том, что история повторяется, отражена и в переводе: No se vive un tiempo auténtico, sino de segunda mano [FHSes 2015: 20]; Chegou um tempo em segunda mão [FHSpt 2015: 16]. Тем не менее, переводы данного заголовка на разные европейские

---

¹ Здесь и далее сокращения BCX – анализируемая книга С.А. Алексиевич «Время секунд-хэнд», FHSes – El fin de homo soviético (перевод на испанский), FHSpt – O fim de homem soviético (перевод на португальский).

языки претерпевают некоторые изменения. Так, в английском и немецком языках оригинальная конструкция приведена с добавлениями (Secondhand Time: The Last of the Soviets (англ.) [<http://amazon.com>], Secondhand-Zeit. Leben auf den Trümmern des Sozialismus (нем.) [<http://zeit.de>]). Очевидно, являясь чуждой для иных культурных пространств, информация, содержащаяся в заголовке, нуждается в некотором разъяснении. В противном случае заголовок не выполняет свою предиктирующую функцию и, соответственно, не привлечет читателя – носителя другой культуры. В результате добавлений (в английском и немецком) и замен (в испанском и португальском) читателю заголовка, вне зависимости от национальной принадлежности и культурного уровня, становится понятно, как минимум, что речь идет о Советском Союзе. Добавления придают названию дополнительную информативность, которая, как в случае с более высокой информативностью в заголовках испанских СМИ (о чем мы уже писали в предыдущей главе), может быть даже более характерной для конкретного языкового пространства. Кроме того, информативный перевод заголовка ускоряет и облегчает ассимиляцию произведения чуждой ему культурной средой.

Сочетание «секонд-хэнд» исчезает при переводе на большинство романских языков (например, “La Fin de l’homme rouge” во французском [<http://lemonde.fr>]). Возможно, англицизм «секонд-хэнд» в германских языках смотрится более органично. Исключение среди романских составляет перевод на каталанский язык издательства Raig Verd: Temps de segona mà. La fi de l’home roig [<http://raigverdeditorial.cat>]. “Homo sovieticus”, “homem soviético”, равно как и “l’homme rouge”, в свою очередь, сохраняют другой аспект концептуальной программы автора, который состоит в том, чтобы обрисовать образ человека советской эпохи. Эта мысль встречается на самой первой странице книги (ВСХ 2016: 7), даже раньше, чем образ времени секонд-хэнд, поэтому данный вариант замены можно считать в целом удачным, хотя смысловой аспект оригинального заголовка несколько противоречит переводному: во времени «секонд-хэнд»

заложена идея повторяемости, в то время как в перевод говорит нам о том, что советскому человеку и советской эпохе приходит конец.

Переводчик, дополняя и поясняя оригинальный текст, вырабатывает таким образом установку на читателя, его перевод приобретает немного иной ракурс, нежели оригинал, рассчитанный, как правило, на читателя – носителя данного языка, обладающего определенной фоновой информацией о культуре языка произведения. Это «смена ракурса» может выражаться не только в добавлениях, но и в замене местоимений в некоторых случаях. Так поступает переводчик книги «Время секунд-хэнд» на испанский язык Хорхе Феррер при переводе такого сочетания как «наш человек» (BCX 2016: 102). В испанском переводе – *un soviético* [FHSes 2015: 134] (в португальском замены не происходит: *um dos nossos* [FHSpt 2015: 100]). Или: свобода нашему человеку – как мартышке очки (BCX 2016: 65) – *dar libertad a los rusos es como proporcionar anteojos a una comadreja* [FHSes 2015: 83] (Португальский перевод: *A liberdade para a nossa gente é como os óculos para o macaco* [FHSpt 2015: 65]). В приведенных примерах местоимение «наш» заменено испанским переводчиком на “soviético” или “ruso”, в то время как в португальском структура сохраняется. Вместо «наша страна» может использоваться «СССР» (по контексту понятно, что речь идет о советской эпохе, а не о современности): С каких это пор генералы в нашей стране стали лезть в политику? (BCX 2016: 120). Если в испанском произошла замена с изменением типа связи (*los generales de la URSS* [FHSes 2015: 156]), португальский остался прежним – *no nosso país* [FHSpt 2015: 112].

В широком контексте книги, состоящей из интервью носителей русского языка, которые рассказывают о своей жизни, очевидно значение первого лица, однако местоимение «мы» предполагает вовлеченность целой группы лиц, куда испаноязычные (или португалоязычные) читатели, очевидно, не входят, поэтому в испанском тексте с помощью замены иногда уточняется принадлежность

говорящего к группе: Это – мы! Наша жизнь! (BCX 2016: 287) – ¡Así somos los rusos! [FHSes 2015: 371], Somos assim [FHSpt 2015: 267].

Кроме того, в переводных текстах иногда отдается предпочтение более привычным нормам написания, носящим, скорее, паралингвистический характер. В русском языке традиционно слово «Родина» пишется с большой буквы, если речь идет о стране говорящего (тем более в ситуации повышенной эмоциональности, как в приведенном ниже примере). Эту черту не сохраняет испанский переводчик: ¡Preferiste salvar tu pellejo antes que luchar por la patria! [FHSes 2015: 56]. В португальском переводе сохранено оригинальное написание: Defendeste a tua pele, e não a Pátria! [FHSpt 2015: 46].

§2. Перевод реалий, в том числе советизмов

В анализируемом тексте реалий довольно много – герои произведения рассказывают о своей повседневной жизни, обсуждают политику, вспоминают прошлое, ругают власть. Вопреки мнению о том, что лучше пользоваться одним и тем же типом трансформации при переводе реалий на протяжении всего текста, мы считаем, что данный тип текста (а именно, художественная литература, во многом отражающая черты разговорного языка), а также обилие реалий, встретившихся нам в процессе анализа, позволяют переводчику прибегнуть к самым разным трансформациям, которые будут рассмотрены в этом параграфе. В противном случае использование только одного типа перевода привело бы к однообразию переводного текста, что нежелательно в художественном и публицистическом жанрах.

Имеет место большее количество добавлений в связи с характером такого явления как реалии. Сталкиваясь с явлением, присутствующим в одной культуре и отсутствующим в другой (см. определение реалии в первой главе), переводчику приходится прибегать к дополнительным средствам для объяснения носителю ПЯ новых для него явлений, с другой стороны, прекрасно известных носителю ИЯ, тем самым осуществляя межкультурную коммуникацию. Перестановки и опущения рассматриваются нами в этом

разделе только в сочетании с другими приемами. Так, перестановки затрагивают более глобальный синтаксический уровень, в то время как нас интересует перевод отдельных единиц.

2.1. Транскрипция

Непосредственная передача звучания является одним из самых простых способов перевода реалий. Тем не менее, не стоит забывать, что затранскрибированная реалия без дополнительных разъяснений не может быть функциональным эквивалентом данной реалии в ПЯ (при этом даже с необходимыми добавлениями функциональная эквивалентность более чем относительна, ибо реалия представляет собой понятие, не существующее в принимающей культуре). Таким образом, при транскрибировании реалий необходима уверенность переводчика в том, что она будет понятна носителю ПЯ в таком виде, без дополнительных трансформаций.

Некоторые реалии приобрели широкую известность во всем мире и стали поистине интернациональными: перестройка (BCX 2016: 312) – *hicimos una perestroika* [FHSes 2015: 404], а *perestroika* [FHSpt 2015: 291]; погром (BCX 2016: 144) – *pogromo* [FHSes 2015: 190], *pogrom* [FHSpt 2015: 137], большевик (BCX 2016: 27) – *bolchevique* [FHSes 2015: 34], *bolchevique* [FHSpt 2015: 29]. В последнем случае мы видим ассимиляцию нетипичного для испанского и португальского языков финального слога в слове на более привычный открытый слог. Многие реалии даже утратили свое локальное значение, как, например, партноменклатура (BCX 2016: 25): в испанском – *la Nomenklatura* [FHSes 2015: 31], в португальском – *nomenklatura do Partido* [FHSpt 2015: 27] или просто “*nomenklatura*” [FHSpt 2015: 43]. Согласно словарю испанской Академии (DRAE), этот термин впоследствии стал применим для политической системы любой страны [<http://dle.rae.es>]. Таким образом, транскрибированная реалия стала полноценным функционирующим неологизмом.

Одно из необходимых условий правильной транскрипции реалий – проверка по словарю на предмет уже существующего традиционного способа

транскрибирования того или иного явления. Неверную транскрипцию также можно отнести к переводческим ошибкам, так как здесь перевод выполняется на уровне фонемы. Португальский словарь издательства Porto Editora содержит статью под названием «nomenclatura» [<https://infopedia.pt/dicionarios>], через «с», в то время как в португальской версии затранскрибировано через «к». Перевод русского «колхоз» (BCX 2016: 56, 71) в испанской версии был осуществлен через транскрипцию (koljós [FHSes 2015: 92], в словаре незафиксировано) или замену (una granja [FHSes 2015: 71]), в португальском – транскрипция o kolhoz [FHSpt 2015: 57, 70]. Однако в португальском словаре данная реалия затранскрибирована как “colcoz” [<https://infopedia.pt/dicionarios>].

По словарю можно также уточнить значение слова в принимающей культуре, так как оно может быть модифицировано или отражено не полностью. Понятие «дача» (BCX 2016: 30) в испанском словаре (las dachas [FHSes 2015: 37]) отражено просто как «загородный дом» [<http://dle.rae.es>], а в португальском этот затранскрибированный неологизм (as datchas [FHSpt 2015: 31]) имеет семантику летнего загородного дома [<https://infopedia.pt/dicionarios>].

Стоит заметить, что наличие в словаре ПЯ той или иной реалии ПЯ далеко не всегда гарантирует удачный перевод при помощи одной лишь транскрипции, так как данная лексема может быть мало употребимой и не распознаваться читателем, не обладающим специальными знаниями в области культуры ИЯ. В этом случае переводчику приходится руководствоваться собственными знаниями и представлениями об употреблении данного заимствования в его языке. Слово «ГУЛАГ» является довольно распространенной в испано- и португалоязычной среде лексемой, о чем говорит тот факт, что порой “el Gulag” [FHSes 2015: 43] фигурирует в качестве перевода, в частности, в испанском тексте, в то время как в оригинале значит просто «лагерь» (BCX 2016: 35) (в португальском остается прямой перевод: campo de detenção [FHSpt 2015: 36]). Возможно, благодаря широкой известности произведений А.И. Солженицына по всему миру, понятие «ГУЛАГ»

превратилось в реалию, узнаваемую за рубежом и, в частности, включенную в словари рассматриваемых в данном исследовании языков [<http://dle.rae.es>] [<https://infopedia.pt/dicionarios>]. Несмотря на это, португальский переводчик при первом упоминании ГУЛАГа в тексте счел нужным дать сноску с расшифровкой аббревиатуры с транскрипцией (Glavnoe Upravlenie Ispravitelno-trudovikh Lagueri), ее переводом (Direção Central dos Campos de Trabalho Correcional) и объяснением [FHSpt 2015: 10] (в испанском при первом упоминании – просто “el Gulag” [FHSes 2015: 10]).

Затранскрибированный перевод слова «интеллигенция» (BCX 2016: 143) был найден нами только в словаре португальского языка [<https://infopedia.pt/dicionarios>]. Тем не менее, в затранскрибированном виде непосредственно в тексте мы обнаружили его лишь раз, причем в испанском переводе (intelligentsia [FHSes 2015: 188]), а не в португальском. В остальных случаях при переводе происходит замена на слово с более общей семантикой: intelectuales [FHSes 2015: 28], intelectuais [FHSpt 2015: 136].

С другой стороны, значение многих реалий может довольно легко вычлняться из контекста, и поэтому перевод не всегда нуждается в добавлениях. При описании повседневных приемов пищи или праздничных застолий и последующем перечислении того, что находилось на столе, во-первых, контекстуально угадывается значение некоего национального блюда, а во-вторых, точное значение (вид блюда, ингредиенты, способ приготовления) в данном случае нерелевантно, так как речь идет о второстепенном для замысла всего художественного произведения описании: борщ, пельмени (BCX 2016: 132) – bortsch, pelmeni [FHSes 2015: 172], borsch, pelmeni [FHSpt 2015: 126]; блины, вареники, селедка под шубой (BCX 2016: 316) – blinis, pastas, arenque con ensalada [FHSes 2015: 409], blinis, vareniki, o arenque “albardado” [FHSpt 2015: 296]. Борщ, пельмени, блины и вареники (последнее только в португальской версии) переданы с помощью транскрипции, в том числе и потому, что речь идет об однословных компонентах, а реалии, состоящие из

нескольких лексем (селедка под шубой) уже непосредственно переведены. Слово «блины» затранскрибировано в ассимилированном виде с добавлением испанского окончания множественного числа; в таком же виде оно было найдено в словаре испанской Академии [<http://dle.rae.es>]. Аналогичным способом по контексту выясняется значение такой реалии как валидол (BCX 2016: 77) в ситуации, когда человеку стало плохо и люди спрашивают, не найдется у кого-нибудь лекарства (Validol [FHSes 2015: 99], Valium [FHSpt 2015: 75]). В испанском тексте читателю помогают такие контекстуальные маркеры как “taquicardia”, “pastilla”, и в таком случае фраза “¿Alguien tiene un Validol?” [FHSes 2015: 99] уже не вызывает изумления.

В другом эпизоде при описании местности иностранный читатель сталкивается с географической реалией: Тайга, тайга (BCX 2016: 439). В затранскрибированном виде эта реалия обнаружена в обоих словарях [<http://dle.rae.es>] [<https://infopedia.pt/dicionarios>], и также может быть понята в контексте описания природно-климатических условий: Todo lo que se veía era la taiga [FHSes 2015: 566]; Taiga e mais taiga [FHSpt 2015: 408].

Были затранскрибированы и некоторые реалии советской эпохи, в частности, Комсомол (BCX 2016: 97): el Komsomol [FHSes 2015: 127], o Komsomol [FHSpt 2015: 95]. Объяснения данной реалии не приводится, но в некоторых случаях имеет место замена транскрипции на собственно перевод в испанском варианте: Juventudes Comunistas [FHSes 2015: 29], organización de jóvenes comunistas [FHSes 2015: 453]. Слово «кулак» было найдено лишь в англо-португальском словаре как русская реалия [<https://infopedia.pt/dicionarios>], при этом в переводе данная единица появляется чаще всего без дополнительных добавлений или объяснений: кулаки (BCX 2016: 192) – los kulaks [FHSes 2015: 249], os kulaks [FHSpt 2015: 180].

Некоторые реалии, по преимуществу зафиксированные в словаре и перешедшие в разряд уже устоявшихся неологизмов, воспроизводятся способом транскрипции, но с некоторыми изменениями, вызванными влиянием языка

перевода. Их можно считать затранскрибированными ассимилированными реалиями. Это может быть замена несуществующих в анализируемых языках русских звуков на более приемлемые для произнесения: Царь-батюшка! (BCX 2016: 128) – ¡El padrecito zar! [FHSes 2015: 168], Um paizinho-czar! [FHSpt 2015: 123]. Вместо прямой транскрипции [ts] использованы более привычные звуки. Имеет смысл говорить и об ассимиляции в графическом написании: водка (BCX 2016: 20) – el vodka [FHSes 2015: 25], a vodca [FHSpt 2015: 22]. В португальском используется буква «с» вместо «к», так как последняя мало употребляется в романских языках и характерна для заимствований.

Еще одной отличительной чертой анализируемых языков является тенденция к открытым слогам. Так, при ассимиляции закрытый слог в русском «рубль» заменяется на открытый: рубли (BCX 2016: 115) – rublos [FHSes 2015: 151], rublos [FHSpt 2015: 112]. Аналогично в слове «поп» (BCX 2016: 177): pope [FHSes 2015: 230], pope [FHSpt 2015: 167].

В слове «копейка» (BCX 2016: 168) происходит замена женского рода на мужской в обоих языках. При этом в испанском образуется закрытый слог (dos koreks [FHSes 2015: 219]), а в португальском он подвергается ассимиляции и становится открытым: dois coreques [FHSpt 2015: 159].

К единицам, переведенным с помощью транскрипции, добавляются испанские и португальские артикли (Лубянка (BCX 2016: 29) – la Lubianka [FHSes 2015: 36], a Lubianka [FHSpt 2015: 30]; перестройка (BCX 2016: 312) – una perestroika [FHSes 2015: 404], a perestroika [FHSpt 2015: 291]), показатели множественного числа (los blinis [FHSes 2015: 23], в то время как на португальский реалия «блины» (BCX 2016: 19) была переведена с помощью замены: panquesas [FHSpt 2015: 21]).

Некоторые советизмы также передаются с помощью транскрипции: Мы были аппаратчики (BCX 2016: 58) – Eramos funcionarios del Partido, apparatchiks [FHSes 2015: 74] (транскрипция с ассимиляцией показателя множественного числа и объяснение прямо в тексте), в испанском тексте был найден еще один

перевод – *apparatchiki* [FHSes 2015: 85], без ассимиляции показателя числа. *peessoas do aparelho* [FHSpt 2015: 59], *apparatchiks* [FHSpt 2015: 66] (ни один из вариантов транскрипции не найден в словарях). Столь распространенные в советское время аббревиатуры переданы с помощью транслитерации побуквенно: КГБ (BCX 2016: 29) – *el KGB* [FHSes 2015: 36] , *o KGB* [FHSpt 2015: 30]. Производное: гэбист (BCX 2016: 49) – *un hombre del KGB* [FHSes 2015: 61], в случае с португальским замена: *agentes de segurança* [FHSpt 2015: 50]; НКВД (BCX 2016: 35) – *las fuerzas del NKVD* [FHSes 2015: 44] (транскрипция с добавлением), *Ministério do Interior* [FHSpt 2015: 35] (замена). В некоторых случаях при переводе сокращения используют полную форму сочетания, как в современной реалии «Госдума» (BCX 2016: 66): переводчиком на испанский взята форма «Государственная Дума», после чего первая ее часть переведена на испанский, а вторая передана транскрипцией, при этом произошла замена порядка слов (перестановка) на традиционную постпозицию прилагательного: *la Duma estatal* [FHSes 2015: 84] (в португальском – просто “*a Duma*” [FHSpt 2015: 65]).

2.2. Замена

Замена определенных компонентов может осуществляться на разном уровне, в том числе на уровне морфологии. По сути, морфема в данном случае является единицей перевода. В испанском и португальском языках имеется богатый арсенал продуктивных суффиксов, участвующих в словообразовании реалий – неологизмов для этих языков. Нами было зафиксировано использование суффикса *-ista* вместо русских суффиксов: советизм «октябренок» – *octubrista* [FHSes 2015: 11], *outubrista* [FHSpt 2015: 262] (добавление в виде сноски с разъяснением значения). В испанском встречается также полная замена обобщающего характера: Я был октябренком (BCX 2016: 281) – *Fui comunista desde niño* [FHSes 2015: 363]); аналогичная замена суффикса на *-ista* и в слове «стахановец»: стахановка (BCX 2016: 82) – *estajanovista* [FHSes 2015: 106] (с фонетической ассимиляцией), *stakhanovista*

[FHSpt 2015: 80, 88] (в португальском с добавлением в виде сноски; описательный вариант перевода в испанском – *trabajador destacado* [FHSes 2015: 117]). Нулевое окончание и окончание –а с суффиксом женского рода -к- в словах «пионер» (BCX 2016: 281), «пионерка» (BCX 2016: 101) заменены на более распространенные испанские и португальские окончания соответствующих родов: *pionero* [FHSes 2015: 47], *pioneiro* [FHSpt 2015: 262]; *pionera* [FHSes 2015: 132], *pioneira* [FHSpt 2015: 98].

Замену не только суффикса, но и приставки видим в слове «раскулачивать» (BCX 2016: 82) в португальском переводе: *famílias foram deskulakizadas* [FHSpt 2015: 80]. Отметим также, что в данном случае речь идет о достаточно редко встречающейся глагольной реалии.

Корневая замена: декабристки (BCX 2016: 94), *los decembristas* [FHSes 2015: 122], “*dezembristas*” [FHSpt 2015: 92] (суффикс –ист в данном случае соответствует суффиксу –ista в ПЯ). Корневая и суффиксальная замена: пораженец – *derrotista* [FHSes 2015: 225] [FHSpt 2015: 164].

В некоторых случаях суффиксальной замены оказывается недостаточно, и переводчику приходится прибегать к описательному варианту: шестидесятники (BCX 2016: 231) – *la generación de 1960* [FHSes 2015: 298], *os da geração dos anos sesenta* [FHSpt 2015: 216].

Если говорить о лексической замене, то, во-первых, реалья может быть заменена на более привычное для носителя ПЯ понятие, необязательно также являющееся реалией: русские пирожки (BCX 2016: 37), которые продавались в киосках, португальский переводчик заменил на мороженое – *gelados* [FHSpt 2015: 37] (в испанском варианте перевод с конкретизацией: *bollos rellenos de carne* [FHSes 2015: 46]). Елки возле Кремля (BCX 2016: 93) в испанском переводе превращаются в сосны – *pinos* [FHSes 2015: 122] (португальский – *abetos* [FHSpt 2015: 92]). Аналогичным образом валенки (BCX 2016: 228) были заменены галошами в испанском переводе: *galochas* [FHSes 2015: 294] (хотя более часто встречающийся перевод – описательный: *botas de fieltro* [FHSes

2015: 351], botas de feltro [FHSpt 2015: 213, 254]). Некоторые реалии, встречающиеся в описании, не столь релевантны для общего содержания текста, к тому же, исключительно перевод с добавлениями сделал бы текст более тяжеловесным, а транскрибирование абсолютно всех реалий – более трудным для понимания, поэтому во многих случаях возможны подобные замены: походы (BCX 2016: 162) – caminhadas [FHSpt 2015: 153] (в испанском с добавлением – excursiones al bosque [FHSes 2015: 210]); баня (BCX 2016: 89) – baño [FHSes 2015: 116], banhos [FHSpt 2015: 87]; самогон (BCX 2016: 488) – aguardiente [FHSes 2015: 634], vodca [FHSpt 2015: 453]. Несмотря на замену в советизме «нэпман» (BCX 2016: 65), в испанской версии сохраняется контекстуально выводимая деспективная коннотация: ¡Estos mercachifles! [FHSes 2015: 84] (в португальском – транскрипция: Os nepmen! [FHSpt 2015: 65]). К замене части речи относится следующий пример: Был этап (BCX 2016: 228) – los trasladaron [FHSes 2015: 294], foram transferidos [FHSpt 2015: 213] (существительное «этап» переведено с помощью глагола).

Генерализация представляет собой одну из разновидностей замены. В данном случае реалия заменяется более общим понятием: тюбетейки (BCX 2016: 409) (локальная реалия) – gorras [FHSes 2015: 526] (в португальской версии – попытка замены на местную реалию: barretinas [FHSpt 2015: 380]); гастарбайтеры (BCX 2016: 400) – inmigrantes [FHSes 2015: 515], и более точно – trabalhadores imigrantes [FHSpt 2015: 372]; современная реалия «ЖЖ» (BCX 2016: 478) – blogs [FHSes 2015: 620], blogues [FHSpt 2015: 445]; бывший «яблочник» (BCX 2016: 449) – fui demócrata [FHSes 2015: 582] (или описательно: antigo membro do Partido Iábloko [FHSpt 2015: 418]); челноки (BCX 2016: 25) – vendedores [FHSes 2015: 31], os “traficantes” [FHSpt 2015: 67] с сохранением пренебрежительной коннотации [<https://infopedia.pt/dicionarios>] (была также неудачная попытка переосмысления реалии через замену: contrabandistas [FHSpt 2015: 27]).

В контексте книги реалия может являться только незначительной деталью, как в следующем примере местом действия: в книге С.А.Алексиевич люди старшего поколения «выходили из троллейбуса, если слышали, что кто-то ругает коммунистов» (BCX 2016: 332). В этом случае для коммуникативного задания не столь важен вид транспорта, поэтому в испанском переводе видим генерализацию: abandonaban el transporte público [FHSes 2015: 428] (ср. прямой перевод на португальский – trolleybus [FHSpt 2015: 311]). Прием генерализации может сочетаться с конкретизирующими добавлениями: Я танцевала ей «русского» и «яблочко» (BCX 2016: 244) – danzas tradicionales [FHSes 2015: 315], danças rusas [FHSpt 2015: 227].

Замена реалии ИЯ на существующую реалию ПЯ – не самый распространенный и зачастую не рекомендованный способ перевода. Попытки подобрать эквивалент в ПЯ чаще всего оказываются неудачными, так как реалии относятся к классу безэквивалентной лексики. Однако такая замена встречается неоднократно в анализируемом тексте и используется в основном в описании: царица (BCX 2016: 53) (комплимент девушке) – reina [FHSes 2015: 67], princesa [FHSpt 2015: 54]; зеленка (BCX 2016: 391) – mercurocromo [FHSes 2015: 503] [FHSpt 2015: 363], металлолом (BCX 2016: 122) – chatarra en la planta de reciclaje [FHSes 2015: 160] (в португальском более общая замена: para a reciclagem [FHSpt 2015: 118]). Русский салат оливье (BCX 2016: 92) в трансформированном виде уже давно существует в Испании под названием ensaladilla rusa [FHSes 2015: 120], поэтому данный эквивалент, без сомнения, можно признать адекватным (в португальском – транскрипция: salada Olivier [FHSpt 2015: 91]). «Милиционер» (BCX 2016: 34) (название, уже ставшее архаизмом) в большинстве случаев заменяется на более привычное для европейской культуры “policía” [FHSes 2015: 42], “policia” [FHSpt 2015: 35], однако встречается и другой перевод в испанском: лейтенант милиции (BCX 2016: 398) – teniente de la milicia [FHSes 2015: 513] (“milicia” в значении некой военной организации). В португальском перевод без изменений: tenente da

Polícia [FHSpt 2015: 370]. Заметим, что рекомендуется переводить одинаково реалию, несколько раз встречающуюся в тексте, что португальский переводчик соблюдает значительно чаще.

В переводе реалий нами был обнаружен и такой прием, как замена нейтральной лексики на реалию ПЯ: яичница (BCX 2016: 222) – tortilla [FHSes 2015: 286], (в португальском просто “ovos” [FHSpt 2015: 208]).

В некоторых случаях при замене происходит вынужденная конкретизация значения реалии. Так, система образования в Испании отличается от русской (советской), и для того, что в русском языке называется просто «школа» в испанском существует несколько разных институтов (escuela, colegio, instituto): школа (BCX 2016: 223) – colegio [FHSes 2015: 287], escola, [FHSpt 2015: 209]; в десятом классе (BCX 2016: 442) – antes de graduarse del instituto [FHSes 2015: 571], na décima classe [FHSpt 2015: 411].

2.4. Добавления (описательный перевод)

При переводе реалий добавления во многих случаях неизбежны, так как при введении в текст незнакомого явления переводчику приходится объяснять его носителям принимающей культуры. Добавления могут быть развернутыми или нет. Иногда для обозначения различия между реалией и общим понятием переводчику бывает достаточно лишь лексически обозначить его национальную специфику: печь (BCX 2016: 409) – las estufas tradicionales rusas [FHSes 2015: 527], o fogão ruso [FHSpt 2015: 380]; пирожки (BCX 2016: 409) – los bollos rusos [FHSes 2015: 527] (os pastéis de carne [FHSpt 2015: 380]). В последнем примере перевода на португальский автор сделал добавление для фактического уточнения, лишнее с точки зрения реального лексического значения, так как пирожки бывают не только с мясом. К добавлению приходится прибегать и для уточнения лексического значения: затранскрибированная реалия «перестройщики» была бы непонятна читателю. Можно было бы предложить вариант с заменой суффикса «perestroikistas», но оба переводчика для более легкого восприятия значения предпочли описательный перевод: Горе-

перестройщики! (BCX 2016: 194) – ¡Vergüenza dan todos esos adoradores de la perestroika! [FHSes 2015: 251], Os papalvos adoradores da *perestroika*! [FHSpt 2015: 182].

Развернутые добавления даются в виде сноски. Например, в португальском тексте к затранскрибированной реалии “*pelmeni*” приводится сноска “*pequenos pastéis de massa recheados de carne, típicos da Sibéria*” [FHSpt 2015: 51] с пометкой “N. do T.” – примечание переводчика. Отметим, что в целом по книге в португальском варианте сноски встречаются намного чаще, нежели в испанском.

Другой вариант распространенного перевода реалий – сделать добавление прямо в тексте. Это может быть как краткая расшифровка значения наряду с буквальным переводом (окончила с красным дипломом (BCX 2016: 335) – *con diploma de honor* [FHSes 2015: 432], *diploma vermelho de distinção* [FHSpt 2015: 313]; субботники (BCX 2016: 179) – *sábados rojos, los sábados que dedicábamos al trabajo voluntario* [FHSes 2015: 231], *sábados de trabalho* [FHSpt 2015: 168]), так и более длинное объяснение, вставленное прямо в текст: кулаки (BCX 2016: 82) – *kulaks o campesinos enriquecidos, así se nos llamaba* [FHSes 2015: 105] (*kulaks*, [FHSpt 2015: 80]); Тех, кто поехал в Иркутск, мы звали «декабристками» (BCX 2016: 94) – *les llamábamos “los decembristas”, como a los célebres deportados en tiempos del zar* [FHSes 2015: 122] (транскрипция с несоблюдением рода и распространенное добавление; в португальском просто “*dezembristas*” (92)). Аналогичным способом переведена реалия времен Великой Отечественной войны, при этом в транскрипции выдержана оригинальная немецкая орфография: полицаи (BCX 2016: 205) – *sus colaboradores locales, los polizei* [FHSes 2015: 265] (в португальском – *policias* [FHSpt 2015: 192]).

Встречается и полностью описательный аналог без транскрипции и прямого перевода: контрамарки (BCX 2016: 352) – *entradas que pasaba una amiga que tenía acceso* [FHSes 2015: 453], *convites gratuitos para as estreias* [FHSpt 2015: 328]. Испанский переводчик Хорхе Феррер чаще прибегает к подобного рода

добавлениям вместо сносок, при этом не ограничиваясь одной лишь транскрипцией.

2.5. Экзотизмы

Еще раз подчеркнем, что экзотизмы не являются реалиями. Несмотря на это, на наш взгляд, они наряду с реалиями относятся к наиболее сложным и спорным единицам перевода, и по этой причине, а также чтобы нагляднее продемонстрировать их отличие от реалий, нам хотелось бы проанализировать некоторые из них.

Касательно книги С.А.Алексиевич, встречающиеся в ней экзотизмы в основном относятся к природным явлениям, более привычным и распространенным в северных регионах и, в частности, в России, нежели в Испании, Португалии или Латинской Америке, и более естественно воспринимающиеся в литературном описании для русского читателя. Морозы (BCX 2016: 179, 270) встречаются и на территории южноевропейских стран, однако значительно реже и для этого понятия не существует отдельной лексемы (которая бы говорила о том, что речь идет о минусовых температурах. В рассматриваемых переводах встречаем следующие эквиваленты: генерализированное понятие “frío” [FHSes 2015: 231], а также “gelo” [FHSpt 2015: 168] (значение «сильный холод», более близкое к понятию «мороз» [<https://infopedia.pt/dicionarios>]), “gélido frío” [FHSes 2015: 347], “um frio gélido” [FHSpt 2015: 251] (добавления). Лютые морозы (BCX 2016: 197) – el frío glacial [FHSes 2015: 254], gelos cortantes [FHSpt 2015: 185]. Другие экзотизмы, связанные с холодом: метель (BCX 2016: 270) – ventisca [FHSes 2015: 348] (примерный эквивалент), tempestades de neve [FHSpt 2015: 244] (замена с добавлением); прорубь (BCX 2016: 244) – un charco de agua helada [FHSes 2015: 314], fenda no gelo [FHSpt 2015: 227] (описательный способ перевода).

Другую группу экзотизмов представляют собой растения региона ИЯ. Они придают описаниям природы местный колорит, но, с другой стороны, не

всегда точная передача значения этих экзотизмов имеет смысл. Так, в сочетании «запах мать-и-мачехи» (BCX 2016: 261) на португальский язык данный экзотизм переведен буквально (a mãe e madраста [FHSpt 2015: 243]), в то время как в испанском была произведена полная замена: el olor de la tierra [FHSes 2015: 336]. Черемуха и сирень олицетворяют весну в русскоязычной культуре. При переводе слова «черемуха» (BCX 2016: 262) переводчики воспользовались такой трансформацией, как замена: cerezos [FHSes 2015: 337], cerejeira-brava [FHSpt 2015: 244, 252]. В испанском тексте встречается перевод с генерализацией (un ramo de flores [FHSes 2015: 348]), как и в случае с сиренью (BCX 2016: 150) - arbustos [FHSes 2015: 196] (имелись в виду кусты цветущей сирени, португальский перевод буквальный – lilases [FHSpt 2015: 143]).

2.6. Символы

Символы относятся к скрытым (имплицитным) реалиям. Они представляют определенную трудность для переводчика уже на этапе их распознавания в тексте. Вторая трудность – донести до носителя принимающей культуры их скрытый смысл, ведь символическое значение зачастую неизбежно теряется при переводе. Некоторые символы имеют свои истоки в народных традициях ИЯ: встречали их с хлебом-солью (BCX 2016: 203). Как в испанском, так и в португальском варианте был осуществлен прямой перевод без добавлений и пояснений (pan y sal [FHSes 2015: 262], o pão e o sal [FHSpt 2015: 191]).

Существует также ряд определенных устойчивых ассоциаций и клише. Например, одним из символов России традиционно является медведь. Этот образ узнаваем и на Западе, однако не все знают о традиционном прозвище «Мишка», данному медведю в русской культуре: Русского Мишку трудно разбудить (BCX 2016: 413) – Al oso ruso cuesta despertarlo [FHSes 2015: 532] (замена генерализирующего характера в испанском переводе, позволяющая иностранному читателю легче распознать символ), в португальском прямой

перевод с транскрипцией имени собственного: *O Michka russo é difícil de acordar* [FHSpt 2015: 384].

Больше всего символов в книге «Время секонд-хэнд» принадлежит к советскому периоду. В связи с большим количеством советских символов мы рассмотрим их отдельно в разделе советизмов.

2.7. Советизмы

2.7.1. Символы советской эпохи

Многие советизмы уже были проанализированы нами в разделе основных трансформаций для реалий, ввиду их принадлежности к последним. Тем не менее, на наш взгляд, имеет смысл рассмотреть отдельно некоторые группы советизмов, чтобы проследить основные смысловые и переводческие тенденции. Так, из-за высокой идеологичности советской эпохи, большую роль в языке страны Советов играли символы.

Главным цветовым символом в СССР по праву можно считать красный: *С красным галстуком я не расставалась* (BCX 2016: 97). Здесь красный галстук (*pañoleta roja anudada al cuello* [FHSes 2015: 127], *lenço vermelho* [FHSpt 2015: 95]) обозначает еще и принадлежность к пионерской организации. Существует ряд других символов, узнаваемых во всем мире и не нуждающихся в добавлениях, например, серп и молот (BCX 2016: 16) (*la hoz y el martillo* [FHSes 2015: 20], *a foice e o martelo* [FHSpt 2015: 17]). Пятиконечные звезды как символ советской власти также не потребовали дополнительных разъяснений при переводе: *Везде нас окружают пятиконечные звезды* (BCX 2016: 141) – *estrellas de cinco puntas* [FHSes 2015: 185], *estrelas de cinco pontas* [FHSpt 2015: 134].

Некоторые символы не столь прозрачны и нуждаются либо в пояснении, либо в определенном контексте: *И вот этот танец маленьких лебедей...* (BCX 2016: 113) – *la música de El lago de los cisnes en todas las radios* [FHSes 2015: 148] (добавление с уточнением названия произведения), *dança dos pequenos cisnes* [FHSpt 2015: 110]. Балет «Лебединое озеро» стал неофициальным символом конца советского периода, узнаваемым в народе. Этот символ становится

понятным иностранному читателю, так как появляется на протяжении всей книги несколько раз и в определенном контексте: По всем каналам – балет «Лебединое озеро» (BCX 2016: 74).

Были обнаружены и символы, не нашедшие, на наш взгляд, полного переводческого или контекстуального объяснения: Я была октябренком, носила значок с кудрявым мальчиком (BCX 2016: 9) (=Ленин в детстве). В обоих случаях (llevé la insignia con la cabeza del niño con el cabello revuelto [FHSes 2015: 11] [FHSpt 2015: 11] usava o emblema com o menino de cabelos frisados) был сделан прямой перевод без дополнительного расширения.

Определенные знаковые события и важные праздники, имеющие отношение к СССР, тоже относятся к категории советизмов-символов: Для меня седьмое ноября – праздник (BCX 2016: 284) – el 7 de noviembre [FHSes 2015: 366], o Sete de Novembre [FHSpt 2015: 264]; октябрьская демонстрация (BCX 2016: 168) – la manifestación que festejaba la Revolución de Octubre [FHSes 2015: 218], manifestação pela Revolução de Outubro [FHSpt 2015: 158] (в обоих случаях использовано дополнение для объяснения реалии); Я счастлива, что советских людей я вижу только на Девятое мая (BCX 2016: 354) – el 9 de mayo [FHSes 2015: 456], o Nove de Maio [FHSpt 2015: 330]). Праздник Победы отмечается в нашей стране и по сей день, однако он имеет свое начало в Советском Союзе и, кроме того, говорящий воспринимает его как символ советской эпохи, то есть, в некотором роде советизм, хотя в целом советизмы имеют тенденцию переходить в историческую плоскость.

2.7.3. Понятие «совок»

Этот советизм будет проанализирован нами отдельно, ввиду яркой эмоциональной составляющей и определенной иронической коннотации, которыми он обладает, а также потому, что для него были использованы разные типы перевода. Мы считаем эту лексему советизмом, так как она характеризует принадлежность индивидуума к советской эпохе, хотя широкое распространение данной номинации относится, скорее, к постсоветскому

периоду. Она также включена в «Толковый словарь языка Совдепии» с определениями «Советский Союз», «Советский человек», «Что-л., пронизанное советской идеологией» и др. [<http://sovdep.academic.ru>]. Это понятие появляется уже на первой странице книги С.А.Алексиевич: Одни считают, что это трагический персонаж, другие называют его «совком» (BCX 2016: 7). Уже при первом упоминании реалии оба переводчика пользуются транскрипцией “sovok” [FHSes 2015: 9] [FHSpt 2015: 9]. Однако испанский переводчик дает добавление в виде следующей сноски: *pobre soviet anticuado*. «Толковый словарь языка Совдепии», тем не менее, дает ко всем значениям слова лишь коннотации *ирон.*, *неодобр.*, *пренебр.*, что, скорее, соответствует следующему испанскому переводу: *soviéticos miserables* [FHSes 2015: 219].

Транскрипция с отражением русского множественного числа встречается в испанском тексте: А чего дискутировать с совками? (BCX 2016: 302) – ¿Qué sentido tiene discutir con estos sovki? [FHSes 2015: 391]. При этом в другой главе форму множественного числа отражает испанский артикль, но затранскрибирована форма единственного числа русского языка: Todos se ríen de los sovok [FHSes 2015: 129]. Помимо транскрипции, чаще всего используются достаточно нейтральные переводы «soviético» [FHSpt 2015: 26] и «anticuado» [FHSes 2015: 29], особенно в португальском варианте: Mas de que serve discutir com os soviéticos? [FHSpt 2015: 282] (см. рассмотренный выше пример). Пример с заменой: не быть совком (BCX 2016: 302) – librame de todo lo soviético [FHSes 2015: 391] (в португальском – não ser uma soviética [FHSpt 2015: 282]). Употребление в значении «СССР»: Ну, это совок (BCX 2016: 42) – ha vuelto a los tiempos soviéticos [FHSes 2015: 52] (замена части речи с добавлениями), é soviético [FHSpt 2015: 44] (замена части речи).

2.7.4. Аббревиатуры

По мнению исследователей, некоторые аббревиатуры можно отнести в группу советских реалий (Влахов и Флорин 1980: 146). Сокращенный способ

наименования был особенно популярен в СССР, и прежде всего в названиях определенных институтов, являющихся советизмами: НКВД (BCX 2016: 35) – fuerzas del NKVD [FHSes 2015: 44] или el NKVD [FHSes 2015: 244], Ministério do Interior [FHSpt 2015: 35, 177]. В португальском приводится полный и более понятный среднестатистическому читателю вариант названия, в испанском – осуществляется транслитерация (замена на уровне буквы) без дополнительной расшифровки аббревиатуры или сноски. Аналогичная транслитерация в португальском: КПСС (BCX 2016: 62), o PCUS [FHSpt 2015: 62] (в испанском варианте перевод расшифровки с опущением: el Partido Comunista [FHSes 2015: 79]). Сокращение «ГКЧП» (BCX 2016: 28) на испанский переведено обобщающей заменой “los golpistas” [FHSes 2015: 35], на португальский – транслитерацией “GKTP” [FHSpt 2015: 29], в дальнейшем [FHSpt 2015: 64] дана сноска с транскрипцией (Gossudarstvenni Komitet po Tchrezvitcháinomu Polojéniu) и переводом расшифровки аббревиатуры. В целом же сноски не характерны для советских перевода реалий-аббревиатур. Перевод без транскрипции с расшифровкой непосредственно в тексте: управляющий делами ЦК (BCX 2016: 71) – administrador del comité central [FHSes 2015: 92], encarregado de negócios do Comité Central [FHSpt 2015: 70]; ДнепроГЭС (BCX 2016: 43) – la central hidroeléctrica del Dniéper [FHSes 2015: 54], a hidroelétrica do Dniepre [FHSpt 2015: 45]; ИТР (BCX 2016: 33) – ingeniero [FHSes 2015: 42], engenheiro técnico [FHSpt 2015: 34]. При этом некоторые производные от аббревиатур могут записываться с помощью транскрипции: чекисты (BCX 2016: 296) – chekistas [FHSes 2015: 384], tchekistas [FHSpt 2015: 275] (с заменой на аналогичный суффикс в данном случае).

Сложносокращенные слова в обоих переводах переданы в несокращенном виде: Генсек (BCX 2016: 15) – secretario general [FHSes 2015: 20], secretario-geral [FHSpt 2015: 16]; райкомы, обкомы (BCX 2016: 48) – los comités de distrito, comités regionales del Partido [FHSes 2015: 60] (с добавлением элемента «партия»), comités distritais, comités regionais [FHSpt 2015: 49];

продразверстка, комбед (BCX 2016: 174) – sistema de distribución de alimentos, comité para combatir la pobreza [FHSes 2015: 225] (добавление глагола), racionamiento de productos, comité de pobres [FHSpt 2015: 164] (замена части речи).

2.7.5. Советский язык

В силу высокой идеологизации советского строя, в лексикон советских людей прочно вошли различные эмоциональные высказывания идеологической направленности. Советские лозунги можно назвать имплицитными советизмами, при этом слова нейтральной лексики, по отдельности не несущие в себе признаков реалий, возникших в советскую эпоху, превращаются в устойчивый и узнаваемый символ: Мы – последние пионеры Страны Советов. Будь готов! (BCX 2016: 167) – ¡Siempre listo! [FHSes 2015: 218], Sempre pronto! [FHSpt 2015: 158] Принадлежность клича «Будь готов!» к пионерскому движению угадывается читателем ПЯ по контексту, и поэтому не требует особых добавлений в данном случае. Еще один пример перевода типичного советского лозунга: Ударим революционными мечтами по индустриальной разрухе! (BCX 2016: 174) – ¡Nuestros sueños revolucionarios dinamizarán la precariedad industrial! [FHSes 2015: 225], Ataquemos com os nossos sonhos a desorganização industrial! [FHSpt 2015: 164] Заметим, что в испанском переводе глагол употреблен в Futuro Simple, в то время как португальский с помощью Imperativo выражает значение побуждения, в котором и употреблено русское будущее время в этом лозунге. Еще одна отличительная черта советского языка – придание коннотаций традиционно нейтральным словам. Здесь слово «индустриальный» (особенно в сочетании со словом «разруха») имеет деспективный оттенок, при переводе его передать довольно трудно, и поэтому он почти всегда теряется, как и в данном примере. Особые коннотации приобретает также устоявшееся сочетание сталинских времен «враг народа» (BCX 2015: 223) – enemigo del pueblo [FHSes 2015: 287], inimigo do povo [FHSpt 2015: 209].

2.8. Прецедентные тексты

Прецедентные тексты, аллюзии, цитаты относятся к группе ассоциативных реалий. Имена авторов также подразумевают под собой тексты, написанные ими, и создают интертекстуальность. Они могут идти как с пояснением, так и без него: Цветаева (BCX 2016: 12) – *escribió Tsvetáieva* [FHSes 2015: 16], *Marina Tsvetáieva* [FHSpt 2015: 14]. В первом случае добавлен глагол, позволяющий читателю определить род деятельности упомянутой личности, во втором – имя. Более информативные добавления представлены в виде сносок. В них обычно содержится такая информация, как годы жизни, знаменитые произведения (информация об Островском [FHSpt 2015: 14] или о Дале при упоминании о знаменитом словаре в португальском переводе [FHSpt 2015: 13]), иногда даются ссылки на издания произведений автора на соответствующем языке, тем самым читателя знакомят с литературной традицией страны, о которой идет речь, и ее отражении в его собственной культуре. Так, при упоминании Салтыкова-Щедрина португальский переводчик в сноске дает ссылку на португальское издание книги «Господа Головлевы» [FHSpt 2015: 14]. Аналогично поступает испанский переводчик: в оригинале приведена цитата из Достоевского, Х.Феррер не переводит ее самостоятельно, а использует уже существующий перевод и дает на него ссылку [FHSes 2015: 18]. Португальский переводчик просто ссылается на произведение и указывает главу, из которой взят отрывок [FHSpt 2015: 15].

В художественном произведении могут встречаться известные цитаты, имена всеми узнаваемых героев. Это относится и к фольклорной традиции: Бабка была старая, как Кощей Бессмертный (BCX 2016: 431) – *La hechicera era más vieja que Matusalén* [FHSes 2015: 557], *A vidente era uma velha como Matusalém* [FHSpt 2015: 401]. В этом сравнении образ из русских народных сказок заменен на устойчивое выражение в романских языках с библейским персонажем. Пример цитаты из сказки в тексте (говорящий рассуждает о мечтательности русского народа): Хочу Царевну Прекрасную! И хочу жить в

царстве ином – с молочными реками и кисельными берегами (BCX 2016: 19) – ¡Quiero una hermosa princesa para mí solito! Y quiero vivir en otro reino, lleno de ríos de leche con las orillas de mermelada [FHSes 2015: 23]; Quero a Bela Princesa! E quero viver num outro reino – com ríos de leite de margens de xarope [FHSpt 2015: 21]. Реалия «царевна», переведенная с помощью замены, дает читателю понять, что речь идет о некоем сказочном мотиве, и в целом образ рек с кисельными берегами понятен, хотя и совсем не узнаваем, а значит, функционально неэквивалентен в переводе. Иногда объяснение для литературного героя дается непосредственно в тексте: Сплошь у нас Обломовы, лежат на диване и ждут чуда (BCX 2016: 20) – Estamos rodeados de Oblómov, el personaje de la novela homónima de Goncharov, tumbados en los sofás esperando un milagro [FHSes 2015: 24], (в португальском варианте – транскрипция имени собственного и сноски внизу страницы [FHSpt 2015: 21]). Как уже отмечалось ранее, подобная культурная интертекстуальность зачастую теряется. Например, одна из кличек Горбачева – «Иудушка» (BCX 2016: 126). В переводе видим нейтральные эквиваленты “Judas” [FHSes 2015: 164] и “judas” [FHSpt 2015: 120], сохраняющие образ Иуды (в португальском написании с маленькой буквы свидетельствует о полном переходе номинации в разряд имен нарицательных), однако аллюзия к произведению М.Е.Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» теряется, а вместе с ней и добавочные коннотации.

В книге С.А.Алексиевич герои цитируют свои любимые поэтические произведения. В испанском переводе рифма не сохраняется, в португальском же встречается несколько переводов с рифмой, как, например, известное стихотворение М.И.Цветаевой «Красною кистью...» (BCX 2016: 341): Num cacho vermelho/ A sorveira se acendeu/ As folhas caíam/ E nasci eu... [FHSpt 2015: 318]. Вероятнее всего, перевод выполнен самим переводчиком.

Общеизвестные цитаты древних классиков не требуют пояснений и распознаются как таковые на уровне всех трех культур: Только хлеба и зрелищ! (BCX 2016: 172) (Ювенал) – ¡Sólo quiere pan y circo! [FHSes 2015: 223], Só pão e

espetáculo! [FHSpt 2015: 163]. Тем не менее, чаще всего скрытая цитата бывает не замечена даже самим переводчиком, как в следующих случаях: введение в оригинальный текст цитаты А.С.Пушкина (<http://dic.academic.ru>): Знаю: будет русский бунт, бессмысленный и беспощадный (BCX 2016: 310) – una revuelta insensata e inclemente [FHSes 2015: 401], uma revolta à russa, absurda e impiedosa [FHSpt 2015: 289]. Или цитата, используемая при описании инаугурации В.Путина: Царь-то ненастоящий! (BCX 2016: 309) – Una ciudad cadáver para un zar de pacotilla [FHSes 2015: 400], Porque o czar não é autêntico! [FHSpt 2015: 288]. Здесь речь идет о фразе из фильма Л.Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию».

Было найдено несколько примеров непосредственного объяснения происхождения цитаты испанским переводчиком: «Широка страна моя родная...» (BCX 2016: 113) – “*Ancho es mi país natal*”, como dice la canción [FHSes 2015: 148] (указание на литературно-песенную традицию; в португальском – прямой перевод без добавлений); Нам читали: человек – это звучит гордо (BCX 2016: 342) – Y en esos manuales leíamos una frase de Maksim Gorki: “La palabra *hombre* suena con orgullo” [FHSes 2015: 440] (указание на авторство).

§3. Фразеология

Фразеологизмы также могут относиться к реалиям. Обычно выделяют следующие основные способы перевода фразеологизмов: описательный и эквивалентный. Первый способ перевода при этом является наиболее безопасным, так как подобрать функциональный аналог с фразеологическим компонентом бывает довольно трудно. С другой стороны, не стоит забывать о художественной специфике текста, в художественном тексте у переводчика больше свободы действий, и к тому же необходимо постараться сохранить красочность и образность оригинала, поэтому эквивалентный способ перевода также допустим.

На наш взгляд, в некоторых случаях можно выделить своего рода нулевой перевод, то есть, образный компонент просто не был распознан в тексте как таковой или был переведен в корне неверно. Например, в тексте одинокая женщина рассказывает о своей жизни, упоминает, что завела песика, и продолжает: Одна головешка и в ночи не горит, а я стараюсь (BCX 2016: 81) (Имеется в виду пословица «Одна головня и в печи не горит, а две – и в поле не тухнут») (БСРП 2010: 192). Испанский переводчик, очевидно, не увидел здесь пословицу и соотнес данную фразу с приобретенной героиней собачкой: *Es pequeñito y no calienta por las noches, pero hago lo que puedo* [FHSes 2015: 104] (В португальском – буквальный перевод: *Um tição sozinho não arde à noite, mas eu esforço-me* [FHSpt 2015: 79]. Еще пример неверно понятого фразеологизма: (женщина выругалась) Ой, не записывайте! Ой-ой! Из песни слов не выкинешь, но слово-то непечатное (BCX 2016: 141) – *Es que una puede borrar una palabra de una canción, pero no de un libro impreso* [FHSes 2015: 185]. В португальском в целом верно передана мысль с помощью прямого перевода и описания: *Ai, não grave isto! Ai, ai! Não se tira uma palavra da cantiga, mas é uma palavra feia* [FHSpt 2015: 134].

3.1. Эквивалентный перевод

Ряд фразеологических единиц носит интернациональный характер, и поэтому их перевод не представляет собой особой проблемы: Руки у него были золотые! (BCX 2016: 83) – *¡Un hombre que tenía unas manos de oro!* [FHSes 2015: 108]. *Tinha umas mãos de ouro!* [FHSpt 2015: 81]; последняя капля (BCX 2016: 407) – *fue la gota que colmó el vaso* [FHSes 2015: 524], *foi a última gota* [FHSpt 2015: 378].

С другой стороны, при подборе эквивалентов русского фразеологизма в испанском или португальском языке соответственно могут появляться другие значения или смысловые оттенки, которых не было в оригинальном фразеологизме: Мне кажется, я знаю этого человека, я рядом с ним, бок о бок прожила много лет (BCX 2016: 7) (устойчивое сочетание). Фразеологизм,

использованный в испанском переводе (*codo con codo* [FHSes 2015: 9]), имеет оттенок скованности, чувства стесненности, а не просто тесного сосуществования (ИРФС 1985: 165); а португальский вариант перевода (*ombro a ombro* [FHSpt 2015: 9]) используется, скорее, в контексте сравнения двух объектов и имеет значение «наравне» [<https://priberam.pt>]. При этом фразеологизм может быть подобран по принципу схожести структуры (как в данном случае), а также из-за наличия похожих образов, в то время как смысловое наполнение перевода не всегда соответствует исходному значению: Сто лет России коту под хвост, а они: слава советским людоедам! (BCX 2016: 308) – *Los rusos se pasaron cien años con el rabo entre las piernas* [FHSes 2015: 398]. Испанский переводчик выбрал неправильный фразеологизм в ПЯ (русское выражение означает «зря, даром», а испанское выражает страх), содержащий, однако, ту же лексему (хвост). В португальском более точный, хоть и описательный перевод: *Un século de vida da Rússia deitado fora* [FHSpt 2015: 286]. Аналогично неверно был подобран эквивалент с элементом «глаза» в испанском и португальском: У России разбежались глаза (BCX 2016: 356) (импортная продукция, много всего) – *a Rusia entera se le salían los ojos de las órbitas...* [FHSes 2015: 458], *a Rússia tinha os olhos a sair das órbitas...* [FHSpt 2015: 331].

Фразеологизм в переводе может не быть полным функциональным эквивалентом, но подходить контекстуально, как в следующем примере, где русский вариант имеет значение «куда-нибудь», а испанский – «очень далеко»: Юра хотел застрелиться...уйти куда глаза глядят.. (BCX 2016: 461) – *En algún momento, Yuri pensó en pegarse un tiro o en marcharse al quinto pino...* [FHSes 2015: 599] (португальский перевод чаще всего описательный: *O Iura quis suicidar-se... partir ao acaso para qualquer parte...* [FHSpt 2015: 430].

Иногда можно говорить об относительной функциональной эквивалентности подобранного фразеологизма в переводе: Он бродил за ней по пятам, ждал часами на улице (BCX 2016: 257) – *Papá no le perdía ni pie ni pisada*

[FHSes 2015: 331]. Испанский фразеологизм обнаружен нами в испанско-русском фразеологическом словаре со сходным значением «неотступно следовать за кем-либо» (ИРФС 1985: 540). В португальском фразеологизм снова передан описательно: Andou atrás dela [FHSpt 2015: 240].

3.2. Буквальный перевод

Прямой перевод без дополнительных замен или объяснений основан на расчете на единообразие законов человеческого мышления, то есть, на том, что читателю в целом будет понятно значение определенного образа, даже если такого фразеологизма нет в его языке. Например, в сочетании «вытереть ноги о кого-либо» угадывается значение презрения, унижения: Россия... об нее вытерли ноги (BCX 2016: 139) – Se han limpiado los zapatos con Rusia [FHSes 2015: 182], Limpam os pés na Rússia [FHSpt 2015: 132]. При переводе сочетания «белая ворона» португальский переводчик, по всей видимости, тоже рассчитывал на его интуитивное понимание (corvo branco [FHSpt 2015: 120]), в то время как испанский переводчик произвел замену на более привычное “bicho raro” [FHSes 2015: 165].

Были найдены примеры буквального перевода, с нашей точки зрения, непонятные читателю ПЯ, при этом фразеологизмы со сходной лексической или формальной структурой при аналогичном значении также не были обнаружены: Знали, что железной рукой, каленым железом, ежовой рукавицей... эти ребята наведут порядок (BCX 2016: 49) – Sabían de su mano de hierro, el hierro candente, el guante erizado de púas... [FHSes 2015: 61], Sabiam que tinha mão de ferro, loelho de ferro, luva eriçada... [FHSpt 2015: 50].

3.3. Описательный перевод

Встречается достаточно часто, особенно в португальском тексте. В этом случае фразеологизм заменяется на краткое его объяснение вписанное в контекст: За словом обычно в карман не лезу, а здесь просто сел и сидел (BCX 2016: 396) – No soy un tipo precisamente silencioso [FHSes 2015: 510], Habitualmente não me faltavam as palavras... [FHSpt 2015: 368]. В португальском варианте присутствует элемент исходного фразеологизма («слово» - palavra), который в испанском заменен на характеристику с помощью прилагательного.

Следующий пример описательного перевода: Все ларечки эти, базарчики... Ну не лежит к ним душа (BCX 2016: 65) – Todos esos quiosqueros, los vendedores ambulantes... Esas personas no llevan la libertad en el corazón [FHSes 2015: 83]. В последней фразе испанский переводчик осуществил неэквивалентную замену, неверно интерпретировав суффиксы существительных в первом предложении как формативные, обозначающие род деятельности человека (в то время как в данном случае они имеют только эмоциональную составляющую) и приняв лексемы «ларечки» и «базарчики» за субъект действия в последующем предложении. В португальском переводе применен описательный способ с заменой действующего лица на первое множественного, что придает фразе обобщающий характер: Não temos inclinação para isso [FHSpt 2015: 65].

3.4. Добавление

Так как мы имеем дело с художественным текстом, переводчик иногда позволяет себе делать некоторые красочные добавления с целью сохранения яркости и образности произведения в переводе. Анализируемое произведение С.А.Алексиевич характеризует яркая разговорная направленность, и поэтому такой прием в принципе допустим, так как различные пословицы, поговорки и фразеологизмы активно используются в разговорной речи. Добавления могут осуществляться и в качестве компенсации, так как некоторые фразеологизмы оригинального текста приходится переводить описательно. В связи с этим нами

было обнаружено несколько примеров добавлений: От нас железнодорожная станция была совсем близко (BCX 2016: 214) – Vivíamos a tiro de piedra de la estación de ferrocarriles [FHSes 2015: 276]. В португальском перевод сделан с помощью описания: A estação de caminho de ferro era muito perto de nós [FHSpt 2015: 201].

Заметим, что данный прием более характерен для испанского перевода книги С.А.Алексиевич, нежели для португальского. Отмечены случаи, когда причастие или прилагательное заменяется фразеологической конструкцией: Я – выживший из ума старик (BCX 2016: 173) – Ahora resulta que soy un viejo al que se le han fundido los plomos [FHSes 2015: 224] (Eu sou um velho senil [FHSpt 2015: 163]); А церкви полные, потому что всем нам нужны психотерапевты (BCX 2016: 285) – En las iglesias no cabe un alfiler [FHSes 2015: 368] (в португальском снова без изменений: E as igrejas estão cheias [FHSpt 2015: 265]).

Испанский переводчик добавляет и устойчивые образные сравнения для обогащения разговорной речи персонажей в переводном тексте: Я после таких слов никогда уже одна с матерью не оставалась. Дрожала (BCX 2016: 426) – Y cuando estaba con ella temblaba como una hoja [FHSes 2015: 549]. Выражение “temblar como una hoja” найдено нами в испанско-русском фразеологическом словаре (ИРФС 1985: 321).

Наряду с добавлением фразеологических элементов происходит и их опущение: Какие-то старушки московские, божьи одуванчики, котлетки приносили (BCX 2016: 76) – Unas abuelitas de Moscú nos traían de comer [FHSes 2015: 98] (опущение выражения «божьи одуванчики», в португальском переданное описательно: Umas velhotas moscovitas, pessoas inofensivas, trouxeram croquetes... [FHSpt 2015: 74]).

3.5. Игра слов

В игре слов, к которой также относится и каламбур, присутствует неперебиваемый игровой компонент, представляющий собой особую трудность при переводе. Самый простой способ – дать объяснение неперебиваемому

элементу в сноске. Так поступает автор перевода на португальский. Согласно оригинальному тексту, за попытку введения сухого закона М.С. Горбачев получил прозвище «сокин сын» (BCX 2016: 132). В португальском варианте перевод осуществлен следующим образом: сделана транскрипция словосочетания «sokin sin», затем – сноска с буквальным переводом затранскрибированных слов и объяснение игры слов по фонетическому сходству с другим русским выражением [FHSpt 2015: 126]. Такой способ вряд ли можно признать самым удачным, особенно в художественном тексте. Испанскому переводчику удалось сохранить игру слов с помощью лексической замены одного из компонентов: *hijo de fruta* [FHSes 2015: 173]. При этом сохраняется сходство с «*hijo de puta*», являющимся непосредственным эквивалентом русского «сукин сын», ставшего исходным для игры слов в русском тексте.

Как в испанском, так и в португальском переводе органично прозвучала следующая игра слов: *Дерьмократы! Разрушили всё...* (BCX 2016: 210) – *¡Ahora vivimos en una mierdocracia!* [FHSes 2015: 270], *Os merdocratas!* [FHSpt 2015: 197]. Более того, данные лексемы можно назвать функциональными эквивалентами, так как в этом виде они используются в принимающих культурах. Об этом говорят соответствующие хэштеги *#mierdocracia* [<https://es.tagdef.com>] и *#merdocracia* [<https://twitter.com>], найденные на просторах сети Интернет. Само явление хэштега уже подразумевает популярность данных слов у интернет-пользователей.

В следующем примере игры слов в испанском переводе осуществлена лексическая замена: *Сталин был наш вождь. – А я думал, что вожди бывают только у дикарей* (BCX 2016: 280) – *Pensaba que sólo los excursionistas tenían guía* [FHSes 2015: 361], *Pensava que só os selvagens tinham chefes* [FHSpt 2015: 260].

Ввиду чрезвычайной сложности перевода игры слов в некоторых случаях переводчик ограничивается описанием: *Не согласна с дележкой жирного пирога – СССР, с «прихватизацией»* (BCX 2016: 302). В переводе на испанский элемент

«хватать», входящий слово «прихватизация» выражен лексически отдельным словом (Aquellas privatizaciones a la brava [FHSes 2015: 391]), а в португальском не выражен вообще (as “apropriações” [FHSpt 2015: 282]).

§4. Эмотивность

В данном исследовании рассматриваются в основном эмоциональные высказывания коммуникативного намерения первой ступени, к которым относятся междометия, эмоциональная лексика и восклицательные предложения. В этом разделе мы также обращаемся к такому средству выражения эмоций, как разные суффиксы субъективной оценки. Перевод эмоционально окрашенных единиц представляется нам одним из наиболее трудных моментов перевода в художественном тексте, ввиду несовпадения выражения коммуникативных намерений в разных культурах. Тем не менее, даже при совпадении способа выражения, может возникнуть проблема узуса; помимо этого, необходимо учитывать общие тенденции к большей или меньшей экспрессивности в целом в культуре языка ПЯ.

4.1. Междометия

Анализируемый художественный текст, построенный в форме монологов-интервью, имеет яркую разговорную направленность, а драматические события в истории России и СССР, ставшие частью семейной истории героев, не оставляют их равнодушными. В целом текст достаточно эмоциональный, и междометий в нем очень много.

Некоторые эмотивные высказывания выражают восторг, прославляют героев: Ура! Ура! Слава! (BCX 2016: 37) – ¡Hurra! ¡Hurra! ¡Gloria eterna! [FHSes 2015: 46] Hurra! Hurra! Viva! [FHSpt 2015: 37]. Другие могут передавать пренебрежение, отвращение: Бррр! Американский костюмчик примеряли... (BCX 2016: 48). Основная тенденция, которую мы отмечаем при сопоставительном анализе переводов междометий в книге С.А. Алексеевич состоит в том, что переводчик на испанский язык, в отличие от своего португальского коллеги, в подавляющем большинстве случаев вместо

междометия использует лексические средства выражения эмоций, таким образом осуществляя прием замены: ¡Asco me dan! Se han probado sus trajecitos estadounidense [FHSes 2015: 61]. В португальском тексте междометие передано с помощью транскрипции: Brrr! Provaram o costureiro americano [FHSpt 2015: 50].

Выражение с лексемой “asco” испанский переводчик использует и при переводе междометия «тьфу»: Тьфу! В нашей семье сроду не было торгашей! (BCX 2016: 280) – ¡Que asco! ¡Nunca hubo mercachifles en mi familia! [FHSes 2015: 361]. При этом в португальском тексте междометие опущено – видимо, переводчик посчитал достаточным восклицательное предложение для выражения соответствующей эмоции негодования: Na nossa familia nunca houve comerciantes! [FHSpt 2015: 261].

Аналогичный прием лексической замены наблюдаем и в других случаях: Бла-бла-бла... (BCX 2016: 42) – Todo pura chachara [FHSes 2015: 52] (в португальском остается “Blabláblá” [FHSpt 2015: 44]). Заметим, что лексическая замена была произведена несмотря на то, что звукоподражательное местоимение “blabláblá” существует в испанском языке с тем же коммуникативным значением “discurso de vacío contendio” [<http://dle.rae.es>], то есть, его вполне можно признать коммуникативным эквивалентом русского «бла-бла-бла».

Дополнительный лексический компонент может вводиться и в виде добавления: Ой-ой! В общем... (BCX 2016: 83) – ¡Ay, señor! En fin... [FHSes 2015: 107]; Ai! Ai! Em geral... [FHSpt 2015: 81]. При этом эквивалентом для русских «ой», «а-а» часто служит “¡ay!”, “ai!”, более распространенные в разговорной речи ПЯ: Аа...я... Я больше так не могу... (BCX 2016: 261) – Ay, Dios...[FHSes 2015: 335], А-аh... [FHSpt 2015: 243]. В качестве добавления к междометиям в испанском тексте зачастую фигурирует обращение к Богу (как в данном примере – “Dios”), что можно объяснить большой ролью религии в жизни испаноговорящего общества и в частности в формировании языка.

В оригинальном тексте встречаются междометия, относящиеся не только к русской культуре, но и принадлежащие другим народам СССР: Вай-вай, мой сладкий (BCX 2016: 251). Это заимствованное междометие затранскрибировано как на испанский, так и на португальский: *Vai, vai, tesoro mío* [FHSes 2015: 324]; *Vai, vai, meu doce* [FHSpt 2015: 234]. В испанском оно выделено курсивом. Тем не менее, едва ли транскрипционный перевод здесь будет полным, так как у иностранного читателя данное междометие не вызовет тех ассоциаций, которые вызовет у носителя ИЯ, и тем более не скажет ему ничего о национальной принадлежности говорящего. Впрочем, последнее легко выводится из широкого контекста описания жизни на юге СССР. Еще один недостаток транскрипции этого междометия в португальском языке – его омонимичность с формой глагола “ir” в 3 лице единственного числа.

4.2. Интонация, восклицательные знаки

В печатном тексте основным способом оформления эмоционального высказывания является восклицательное предложение. В ходе анализа исследуемого произведения мы сделали вывод, что русские невосклицательные предложения в переводе Х. Феррера на испанский язык в некоторых случаях становятся восклицательными: Первый раз не пошли на Красную площадь. Не поклонились. Первый раз... (На глазах слезы) (BCX 2016: 94) – ¡La primera vez! [FHSes 2015: 122] (В португальском сохранена нейтральная невосклицательная интонация: *Pela primeira vez...* [FHSpt 2015: 92]).

На наш взгляд, такое явление отчасти можно объяснить более высоким уровнем экспрессивности, в особенности если речь идет об испанской разговорной речи, но отчасти и тем, что в оригинале многие монологи очень отрывисты и изобилуют неполными предложениями с многоточием, поэтому, возможно, переводчик решил таким способом избежать чрезмерного количества фраз с многоточием в тексте перевода: День свадьбы... (BCX 2016: 322) (далее описание традиций) – Ah, ¡y el día de la boda! [FHSes 2015: 416] (Португальский вариант – *No dia da boda...* [FHSpt 2015: 301]).

4.3. Пейоративная лексика

К пейоративной лексике относятся прежде всего ругательства, в том числе и мат. Стоит подчеркнуть, что при переводе с русского языка переводчик сталкивается с трудностями, связанными с различиями в иллокутивной силе, что может привести к серьезному искажению текста оригинала при переводе. В русской культуре большинство ругательств имеет более высокий показатель иллокутивной силы, нежели в испано- или португалоязычных культурах. К тому же, во многих случаях переводчик подбирает нейтральные эквиваленты для пейоративной лексики. Так, при переводе фразы «Все эти вопли о величии России – жопень полная» (BCX 2016: 110) оба переводчика ограничиваются относительно нейтральной оценочной лексикой: *no son más que un disparate* [FHSes 2015: 143], *são uma grande balela* [FHSpt 2015: 107]. Как “disparate”, так и “balela” можно перевести скорее как «чушь», «глупость», что намного нейтральнее оригинальной лексемы «жопень».

Матерная лексика в русском языке в печатной литературе встречается крайне редко, но в анализируемом произведении, ввиду его разговорной направленности, она присутствует и передается с многоточием, что лишний раз напоминает о ее повышенной экспрессивности: Раньше мы жили ху...во-ху...во, а потом все хуже и хуже (BCX 2016: 110). В португальском переводе с помощью формально эквивалентной лексемы “*caralho*”, также переданной неполностью (*Dantes vivíamos mal como o c...* [FHSpt 2015: 107]), в то время как в испанском происходит замена на образное сравнение (*antes vivíamos como perros* [FHSes 2015: 144]).

Эмоциональное восклицание Ё..! (BCX 2016: 292-293), встречающееся много раз в монологе одного из персонажей, в испанском передано восклицанием “*Joder!*” [FHSes 2015: 379] или же не передано вообще [FHSes 2015: 380] (в португальском – *F...!* [FHSpt 2015: 272, 273]). Несмотря на верный на первый взгляд подбор эквивалента, русскоязычную фразу употребит не всякий и в ограниченном контексте (как в случае спонтанной речи молодого

мужчины в гневе, который мы имеем в книге С.А. Алексиевич) в то время как испанское “¡Joder!” употребляется гораздо чаще, может появиться в печати и тем более передается без многоточия. Последнее может говорить о некоторой десемантизации исходного значения глагола, чего не произошло с его русским эквивалентом.

Глагол “joder” употребляется испанским переводчиком в качестве эквивалента и для других компонентов с ярко выраженным пейоративным значением, как в следующем примере, где речь идет о Путине: Это жопа всей стране... (BCX 2016: 376) («жопа» в значении «конец») – ¡Éste va a joder a un país bien jodido! [FHSes 2015: 484]. Более того, при переводе данной фразы глагол повторяется два раза (прием добавления) для усиления экспрессивности. В португальском – лексическая замена на существительное “merda”: É uma merda para todo o país [FHSpt 2015: 349]. Глаголом “joder” в испанском переведено и существительное «хрен» (замена части речи) в следующем контексте: Хорошей жизни захотели? Хрен вам! (BCX 2016: 66) – ¡Pues ahora jodeos! [FHSes 2015: 85]. В португальском данное эмоциональное высказывание разбито на две фразы: O caralho! Esqueçam! [FHSpt 2015: 66]. С помощью “joder” переведен относительно нейтральный русский глагол «профукать», что говорит о способности «смягчаться» у значения этого испанского глагола в связи с повсеместным использованием: Профукали мы девяностые! (BCX 2016: 299) – Los años noventa los jodimos nosotros mismos [FHSes 2015: 387] (Португальский вариант – Lixámos os anos noventa! [FHSpt 2015: 279]).

Что касается португальского перевода пейоративной лексики, наиболее часто используемая лексема – “caralho”: Русская мечта: чемодан в руки и на х...й из России! (BCX 2016: 145) – e da Rússia para o s...! [FHSpt 2015: 138]. В испанском тексте данный компонент был опущен, но эмоциональный и разговорный характер высказывания был передан с помощью глагола – largarse de aquí [FHSes 2015: 190]. Таким образом, речь идет о приеме компенсации.

Еще один пример использования “*caralho*” португальским переводчиком: Это то, что мне известно. Хрен его знает, что еще... (BCX 2016: 430) – *Só o c... sabe mais...* [FHSpt 2015: 400]. Испанский переводчик опускает пейоративный компонент и передает только значение предположения, неизвестности, выражая его не лексически, а грамматически с помощью будущего времени: *Habr  muchos m s casos desesperados, seguramente...* [FHSes 2015: 556]. Здесь сочетаются приемы замены и опущения.

В целом имеет смысл говорить о смягчении матерной и ругательной лексики в обоих переводах, причем как неизбежной (в силу различий в узусе), так и намеренной: Ну что, коммуняки, просрали страну! (BCX 2016: 73) – * Comunistas tan asquerosos, hab os llenado de mierda este pa s!* [FHSes 2015: 94] (перевод с помощью компонента той же семантики); *Ora bem, comunas, desgra aram o pa s!* [FHSpt 2015: 71] (смягченный перевод с заменой генерализирующего характера). С другой стороны, такой перевод можно назвать вполне приемлемым, ибо, как мы уже упоминали в первой главе, в художественном переводе пейоративную лексику довольно часто рекомендуется смягчать.

Помимо ругательств и матерной лексики, в книге «Время секунд хэнд» нами были обнаружены другие эмоциональные слова и выражения разговорного характера. Многие из них также обладают негативными коннотациями: Ну что, Маргаритка, сдох этот... (BCX 2016: 101) – * Qu , mi peque a Margarita?  Estir  la pata ese t o?* [FHSes 2015: 132] (замена на фразеологизм с сохранением пренебрежительного оттенка); *Ent o, Margaritka, rebentou, aquele...* [FHSpt 2015: 98]. В другом контексте перевод слова «сдохнуть» более нейтрален: сдохнуть в немецком концлагере (BCX 2016: 202) – *acabar en un campu* [FHSes 2015: 260], *morrer num campu* [FHSpt 2015: 189].

Довольно часто происходит опущение эмоционального компонента, в особенности если данная трансформация не оказывает серьезного влияния на широкий контекст произведения: Одна кухня и один сортир (BCX 2016: 70)

(описание коммуналки в пренебрежительных тонах) – un cuarto de baño [FHSes 2015: 90], uma latrina [FHSpt 2015: 69]. Иногда все же удается подобрать функциональный эквивалент, обладающий сходными коннотациями, как в случае такого популярного концепта, как «деньги», для которого во многих языках существуют эмоционально окрашенные синонимы: Я не ради чьих-то бабок революцию делал (BCX 2016: 139) – para que otros se llenaran los bolsillos de pasta [FHSes 2015: 182]. Здесь наблюдаем вполне адекватное соответствие «бабки» - “pasta”. Португальский переводчик, тем не менее, делает свой выбор в пользу немаркированной лексемы: pelo dinheiro de ninguém [FHSpt 2015: 132].

Интересно, что в определенном контексте слова могут приобретать различные коннотации: Я занялся «бизнесом» (BCX 2016: 140). На эмоции говорящего в письменном художественном тексте могут указывать кавычки. Помогает и широкий контекст – описание 90-х годов, основная масса граждан бывшего СССР скептически относится к предпринимательству, как и к потоку новых заимствованных слов. Кавычки сохранены в португальском переводе (dedicar-me aos “negocios” [FHSpt 2015: 133]), в испанском же варианте, на наш взгляд, эмоциональный компонент полностью утерян: Me convertí en un hombre de negocios [FHSes 2015: 184]. Для его сохранения можно было бы также воспользоваться английским “business”, заимствованием, понятным носителю испанского языка, или поставить кавычки.

В рассматриваемой произведении затрагивается тема иммигрантов из бывшего СССР, что бесспорно порождает большое количество пейоративных наименований для соответствующей категории населения в тексте. Если в адрес людей одних национальностей во многих языках имеются свои прозвища, которые можно использовать в качестве эквивалентов при переводе (америкосы (BCX 2016: 144) – yanquis [FHSes 2015: 189] или samones [FHSpt 2015: 137], от англ. “come on” [<https://priberam.pt>]), то перевод прозвищ для народов Кавказа и Средней Азии представляет собой более сложную задачу. В анализируемом произведении русское «хачи» чаще всего переводится как “culos negros” [FHSes

2015: 533], “cus-negros” [FHSpt 2015: 384]; такое прозвище в культурной среде ПЯ может относиться скорее к чернокожим или метисам. Схожими свойствами адаптированных реалий обладают и найденные нами в тексте испанского перевода “mora” [FHSes 2015: 426], “morena” [FHSes 2015: 427] (вместо «чучмечка, чурка» (BCX 2016: 330)). С одной стороны, более адекватным представляется португальский перевод “meteca” [FHSpt 2015: 309]; в словаре “meteco” имеет значение “pessoa que reside num país estrangeiro” [<https://infopedia.pt/dicionarios>], т.е. любой иммигрант. С другой стороны, при этом теряется пренебрежительная коннотация, присущая оригиналу. Испанскому переводчику удастся сохранить ее при помощи добавления указательного местоимения: с черномазым (BCX 2016: 414) – con uno de esos inmigrantes [FHSes 2015: 534] (в португальском – com um escurinho [FHSpt 2015: 385]). Иногда происходит опущение подобной эмоциональной лексики: Вали отсюда, чучмек! (BCX 2016: 329) – Amenazan con avisar a la policía, porque no tenemos permiso de residencia [FHSes 2015: 425]. В испанском описательный перевод объяснительного характера с переходом из прямой речи в косвенную, а португальский переводчик сохраняет наименование со значением «иммигрант»: Desaparece, seu meteco! [FHSpt 2015: 308].

4.4. Суффиксы

Уменьшительно-ласкательные суффиксы или суффиксы с уничижительным значением тоже несут в себе эмоциональный компонент. В некоторых словах уменьшительно-ласкательные суффиксы употребляются довольно часто, что несколько ослабляет их иллокутивную силу и позволяет осуществлять перевод с опущением суффикса: хлебушек (BCX 2016: 211) – rap [FHSes 2015: 272], pão [FHSpt 2015: 198]. Аккумуляция уменьшительно-ласкательных суффиксов, как в следующем описании голодающих стариков на улице, усиливает чувство сострадания у читателя: Застиранные шапочки, заштопанные пиджачки (BCX 2016: 39) – sus gorros deshilachados, sus chaquetas raídas [FHSes 2015: 49]; os gorros gastos, os casaquinhos coçados [FHSpt 2015: 39].

Тем не менее, при переводе суффикс был сохранен только в одном слове в португальском варианте (*casquinhos*). Аналогичное скопление суффиксов наблюдаем и в другом описании: Из машин выгружались дети в хороших костюмчиках и ботиночках (BCX 2016: 205) – *trajecitos, zapatos la mar de monos* [FHSes 2015: 264] (сохранение суффикса в первом случае, замена на другой усилительный компонент – во втором); *crianças bem vestidas, com sapatos bonitos* [FHSpt 2015: 192] (опущение суффиксов).

В книге «Время секунд хэнд» мы обнаружили интересный прием компенсации при переводе суффиксов с эмоционально-экспрессивной окраской в испанском тексте: Иконка в углу у меня (BCX 2016: 81) – *ícono que guardo en un rinconcito* [FHSes 2015: 104] (*um ícone no meu canto* [FHSpt 2015: 79]). Наличие суффикса субъективной оценки, таким образом, восполняется в другой лексеме в той же самой синтагме: Попоила ее водичкой (BCX 2016: 335) – *unos sorbitos de agua* [FHSes 2015: 431] (*água a beber* [FHSpt 2015: 313]). Слово “agua” не употребляется в испанском с уменьшительным суффиксом, и поэтому переводчик прибегает к добавлению в виде лексемы *sorbo*, к которой можно осуществить добавление.

Португальский язык демонстрирует несколько более высокую восприимчивость к лексемам с уменьшительно-ласкательными суффиксами, например, в следующем контексте: Например, никогда не говорил «свобода», а всегда «свободка». «И вот я на свободке» (BCX 2016: 228). Португальский переводчик передает «свободка» словом “*liberdadezinha*” с широко используемым суффиксом *-inho/-zinha* – возможно, конкретное образование и не является широкоупотребительным в португальском языке, но, очевидно, переводчик считает его достаточно органичным для ПЯ. К тому же, при использовании данной трансформации сохраняется авторский стиль: *E lá estava eu na liberdadezinha* [FHSpt 2015: 213]. Испанский переводчик обыгрывает понятия «свобода» и «свободка» с помощью замены на аналитические конструкции со значением «выйти погулять», первое выражение при этом

нейтральное, второе – более разговорное: Nunca usaba la expresión “salir al aire libre”, sino “salir a tomar el aire” [FHSes 2015: 294].

Уменьшительные суффиксы могут иметь пренебрежительный оттенок: Праздничек! (BCX 2016: 123) - ¡Una juerga más! [FHSes 2015: 160]; Uma festinha! [FHSpt 2015: 118]; презрение к людишкам (BCX 2016: 52) – el desprecio por la gente humilde [FHSes 2015: 66], o desprezo pela “gentinha” [FHSpt 2015: 53]; социализм считал человека глупеньким (BCX 2016: 32) – tomaba a la gente por idiotas [FHSes 2015: 40], consideraba as pessoas tolinhas [FHSpt 2015: 33]. В последнем примере в португальском – прямой перевод, в испанском – замена на аналитическую конструкцию разговорно-оценочного характера. Тот же самый прием использован испанским переводчиком и в следующем контексте: А, жиденыш! Кто революцию в семнадцатом году делал? (бьют) (BCX 2016: 43) – ¡Vaya con el judío de mierda! [FHSes 2015: 53] (в португальском сохранение суффикса с добавлением притяжательного местоимения для усиления экспрессии: Ah, seu judeuzinho! [FHSpt 2015: 44]). Зачастую переводчик опускает суффиксы при переводе, что может привести к искажению коммуникативного намерения автора, как в случае перефразирования известной фразы А.П. Чехова одним из героев книги: в человеке все должно быть прекрасно: и душонка, и одежонка, и мыслишки (BCX 2016: 390). К сожалению, в переводе отношение говорящего, выраженное в оригинале с помощью суффиксов, теряется: estar en paz con el espíritu, vestir como se debe y pensar lo que se le antoje [FHSes 2015: 501] (в этом варианте можно лишь отметить добавление неформального глагола “antojarse”); a alma, e as roupas, e os pensamentos [FHSpt 2015: 362].

4.5. Кинемы

Помимо собственно эмотивных высказываний в тексте присутствует большое количество кинем (слов для обозначения движений лица и тела), которые в письменном тексте служат незаменимым источником информации об эмоциональном состоянии героев. В редких случаях имеет место полная замена одной кинемы на другую: А-а-а... (Махнула рукой). Теперь уже ни во что не верят (BCX 2016: 88) – ¡Vaya cosas! (Se encoge de hombros) [FHSes 2015: 114] (в ремарке от лица повествователя замена взмаха рукой на пожимание плечами; в португальском без изменений: *Agita a mão* [FHSpt 2015: 86]).

Отдельного внимания заслуживает такой привычный русский жест, как фига, или кукиш, обозначающий протест, несогласие или отказ в прямой, грубоватой форме. Выражение «с фигой в кармане» в контексте книги подразумевает скрытый протест против существующих порядков (BCX 2016: 21, 60) (в частности, речь идет о так называемых «кухонных диссидентах»). В португальском данный жест переводится как *fazer figas* [FHSpt 2015: 23] *fazendo figas no bolso* [FHSpt 2015: 60], однако в словаре мы видим несколько другое назначение этого жеста: *para afastar o mal, o azar ou a desgraça* – подразумевается защита от несчастья, а не агрессия [<https://infopedia.pt/dicionarios>]. Сходным образом интерпретирует данную кинему в одном случае и испанский переводчик [FHSes 2015: 25], в другом контексте вместо «фиги» видим выражение, обозначающее страх – *con el corazón en un puño* [FHSes 2015: 77]. Приемлемая эквивалентная замена встречается в переводе на испанский один раз: Свалили памятник Ленину. Показывали ему кукиши... (BCX 2016: 59) – *Le hacían cortes de manga* [FHSes 2015: 75] (жест “*hacer cortes de manga*” охарактеризован в словаре Академии как “*obsceno y despectivo*” [<http://dle.rae.es>]).

4.6. Эмфатические конструкции

Выделительные конструкции помогают более ярко и образно представить эмоциональное высказывание или эмоциональный компонент в высказывании в

письменном тексте, и особенно в художественном. В анализируемой книге С.А. Алексиевич встречается замена одного средства выразительности (повтор прилагательного) на другое (образное сравнение/ добавление наречия степени): У нее глаза стали маленькие, а потом большие-большие (BCX 2016: 254) – *tan grandes como los platos* [FHSes 2015: 328], *muito grandes* [FHSpt 2015: 237].

Присутствуют и другие добавочные эмоциональные компоненты: А кто он такой, этот маршал Ахромеев (BCX 2016: 135) – *¿Quién diablos es este Ajromeiev, por muy mariscal que sea?* [FHSes 2015: 178] (добавление лексемы “diablos” и придаточного со значением уступки; в португальском прямой осуществлен прямой перевод: *Mas quem é ele, esse marechal Akhroméiev...?* [FHSpt 2015: 129]).

В испанском переводе используется т.н. *negación pintoresca* (образное отрицание): Всем на все наплевать (BCX 2016: 162) – *Ahora todo nos importa un bledo* [FHSes 2015: 211] (в португальском – *Todos se estão nas tintas para tudo* [FHSpt 2015: 154]). Заметим, что подобные добавления и замены подчеркивают разговорный характер данного художественного текста.

§5. Имена собственные

Имена собственные, к которым относятся антропонимы, топонимы и др., осуществляют связь человека с культурой и обществом, в котором он живет (Рылов 2006: 5), они представляют собой часть языковой картины мира носителей того или иного языка. Многие из них являются реалиями.

Как и реалии, имена собственные могут быть переданы в ПЯ с помощью транскрипции с различной степенью адаптации или с помощью перевода. Гораздо чаще встречается транскрибирование. В конкретном случае мы имеем дело с разными алфавитами (кириллица и латиница), что вызывает дополнительные трудности при передаче имен собственных и зачастую приводит к отсутствию фиксированных эквивалентов в ПЯ. Различия в написании одного и того же русского имени собственного возникают в том числе из-за различий в правилах чтения и написания в испанском и

португальском языках. Так, русское «ч» в испанском будет соответствовать буквосочетанию “ch”. В португальском такая транскрипция была бы недействительна (“ch” читается как [ʃ]), а русское «ч» заменяется на менее привычное буквосочетание “tch”: Чайковский (BCX 2016: 27) – Chaikovski [FHSes 2015: 33], Tchaikovski [FHSpt 2015: 28]; Чехов (BCX 2016: 31) – Chéjov [FHSes 2015: 39], Tchékhev [FHSpt 2015: 32]; Челябинск (BCX 2016: 42) – Cheliabinsk [FHSes 2015: 52], Tcheliábinsk [FHSpt 2015: 44]. Также, если в испанском нет одной буквы для обозначения звука [ʒ], то в португальском русской «ж» будет эквивалентна “j”: Брежнев (BCX 2016: 69) – Brézhnev [FHSes 2015: 89], Bréjnev [FHSpt 2015: 68].

Расхождения встречаем и при передаче букв «е», «ё», «ю», «я» в позициях, где они читаются как [je], [jo], [ju], [ja]. Мы обнаружили, что появляющийся при этом йот-элемент в испанском транскрибируется как “y”, а в португальском – “i”: Борис Николаевич Ельцин (BCX 2016: 118) – Borís Nikoláievich Yeltsin [FHSes 2015: 154], Boris Nikoláevtich Eltsin [FHSpt 2015: 113] (заметим, что при этом в интервокальной позиции в середине слова в испанском “i”, а в португальском – опущение йот-элемента); Ярославль (BCX 2016: 77) – Yaroslavl [FHSes 2015: 100], Iaroslavl [FHSpt 2015: 75].

Наличие графического ударения, которое возможно как в испанском, так и в португальском, также зависит от существующих в конкретном языке правил: так, если слово заканчивается на –ia, в португальском ударение автоматически падает на i, и при этом, в отличие от испанского, не образуется дифтонга. Желательно учитывать этот фактор, например, при транскрибировании на португальский антропонима «Володя» (BCX 2016: 470) и ставить графическое ударение, которое в испанском не понадобится: Volodia [FHSes 2015: 610], Volódia [FHSpt 2015: 438]. Тем не менее, это правило не всегда соблюдается переводчиками, иногда графическое ударение даже появляется там, где его быть не должно: Вологда (BCX 2016: 77) – Vologdá [FHSes 2015: 100], Vologdá [FHSpt 2015: 75]. Не стоит забывать, что вопрос постановки графического ударения,

равно как и вопрос различных способов транскрипции в зависимости от языка, относится преимущественно к художественному тексту, так как в официально-деловом дискурсе используется унифицированная транскрипция, а имя или название записывается в соответствии с принятой документацией (например, загранпаспортом гражданина РФ).

Некоторые антропимы иностранного происхождения без русской огласовки, существующие при этом в языковой среде ПЯ, в испанском переводе передаются в непосредственно испанском варианте: Феликс (BCX 2016: 202) – Félix [FHSes 2015: 261] (а не Feliks, как в португальском [FHSpt 2015: 190]). Аналогичным образом сохранено немецкое написание фамилии советского маршала Блюхера (BCX 2016: 183) – Blücher [FHSes 2015: 237] (в португальском – Bliúcher [FHSpt 2015: 172]).

5.1. Адаптация имен собственных

Некоторые имена собственные настолько прочно вошли в испанский и португальский языки, что приобрели в них собственное звучание, отличное от оригинального русского. Существуют традиционные написания названий некоторых городов: Москва (BCX 2016: 42) – Moscú [FHSes 2015: 52], Moscovo [FHSpt 2015: 44] (в бразильском португальском было бы “Moscou”). Наблюдается устойчивое изменение элементов –бург, –град на –burgo и –grado: Петербургского (тогда Ленинградского) университета (BCX 2016: 21) – de San Petersburgo (entonces Leningrado) [FHSes 2015: 26], de São Petersburgo (então Leninegrado) [FHSpt 2015: 23] (равно как и «санкт» от лат. sanctus «святой» меняется на соответствующие ему в ПЯ “San” и “São”); Сталинградская битва (BCX 2016: 43) – la batalla de Stalingrado [FHSes 2015: 54], a batalha de Estalinegrado [FHSpt 2015: 45]. В исходных антропиммах «Ленин» (BCX 2016: 15) и «Сталин» (BCX 2016: 130) в португальском варианте происходит добавление гласной “е”, открывающей последний слог (Lenine ([FHSpt 2015: 16], Estaline [FHSpt 2015: 124]), чего не происходит в испанском (Lenin [FHSes 2015: 19], Stalin [FHSes 2015: 170]), равно как и в некоторых других случаях:

Владивосток (BCX 2016: 71) – Vladivostoque [FHSpt 2015: 70] (в испанском – Vladivostok [FHSes 2015: 92]). Тем не менее, это правило распространяется не на все антропонимы: Бухарин (BCX 2016: 31) – Bujarin [FHSes 2015: 38], Bukhárin [FHSpt 2015: 32]. В слове «Ленинград» тоже не всегда появляется дополнительная “e” – Leningrado [FHSpt 2015: 120]. Также в слове «Сталин» в португальском видим интересное явление протезы, вызванное трудностями при произнесении сочетания “st” в начале слова: Estaline [FHSpt 2015: 124].

Антропонимы, обозначающие некоторых известных исторических персонажей, в особенности правителей, переводятся не с помощью транскрипции, а с помощью соответствующих им испанских/португальских вариантов имени (транспозиция): Петр Первый (BCX 2016: 57, 128) – Pedro el Grande [FHSes 2015: 73] или Pedro I [FHSes 2015: 168] в испанском, Pedro I [FHSpt 2015: 57, 123] – в португальском; Александр Второй Освободитель (BCX 2016: 128) – Alejandro II, el Libertador [FHSes 2015: 168]; Alexandre II, o Libertador [FHSpt 2015: 123]. Исключение среди таких антропонимов в рассматриваемом произведении составляет Иван Грозный (BCX 2016: 128, 176) – вместо адаптированного “Juan”/ “João” оба переводчика выбирают способ транскрипции имени в сочетании с переводом прозвища: Iván el Terrible [FHSes 2015: 228] или Iván el Fiero [FHSes 2015: 167]; Ivan, o Terrível [FHSpt 2015: 166] или Ivan IV (que na Europa chamam o Terrível) [FHSpt 2015: 123]. В последнем примере португальский переводчик осуществил замену, на наш взгляд, не совсем оправданную, так как в русскоязычной традиции наименование «Иван Грозный» также используется чаще, чем «Иван IV».

Дополнительная адаптация может выражаться в присвоении имени собственному категории рода, в особенности если показатель рода в ПЯ не совпадает с исходным: мой Баку (BCX 2016: 323) – aquela Bakú [FHSes 2015: 417]; não é minha, Vaku [FHSpt 2015: 302]. Здесь категория женского рода присваивается иностранному топониму за счет того, что слово “ciudad”/“cidade” – женского рода. Однако в другом топониме с тем же самым окончанием в

испанском (-ú) исходный женский род меняется на мужской: по старой Москве (BCX 2016: 373) – *por el viejo Moscú* [FHSes 2015: 480] (в португальском – женский род: *velha Moscovo* [FHSpt 2015: 346]). Возможно, здесь действует испанская тенденция относить лексемы, оканчивающиеся на ударный гласный (*tisú, café, sofá*) к мужскому роду: ночную Москву (BCX 2016: 93) – *el Moscú nocturno* [FHSes 2015: 122] (*Moscovo à noite* [FHSpt 2015: 91]). Иногда испанский переводчик сохраняет женский род (*Moscú mía* [FHSes 2015: 92]), что говорит о некотором непостоянстве при подборе эквивалентов в переводе.

5.2. Отчество, обращения

Отчества не используется ни в испанском, ни в португальском языке, в то время как в русском они используются повсеместно, в том числе в обращении, а также в качестве дополнительного дифференциатора имени (Рылов 2006: 64). Это может привести к определенным заменам или даже опущениям в тексте перевода: Звали ее Анна... Отчество не помню (BCX 2016: 326). Вторая фраза про отчество в испанском просто опущена [FHSes 2015: 421], а в португальском заменена на предложение более общего характера: *Não me lembro de mais nada* [FHSpt 2015: 304].

В связи с отсутствием отчеств в ПЯ, последние могут восприниматься носителями соответствующих языков как фамилии. Так как в культурах ПЯ используются две фамилии, отчество может восприниматься как одна из них. В испаноязычных странах отдается предпочтение первой, а в португалоязычных – второй (Рылов 2006: 198-199). И, если при упоминании известных личностей (129 – Раиса Максимовна (BCX 2016: 129) – *Raisa Máximovna* [FHSes 2015: 168], *Raissa Maksímovna* [FHSpt 2015: 123]) нетрудно догадаться, что второй компонент как минимум не является фамилией, то отчества второстепенных персонажей, фигурирующих в книге просто как «Елена Юрьевна» и «Анна Ильинична» (BCX 2016: 41) (*Yelena Yúrevna, Anna Ílínichna* [FHSes 2015: 51]; *Elena Iurievna, Anna Ílínitchna* [FHSpt 2015: 43]) могут быть восприняты как первая или вторая фамилия соответственно.

При записи инициалов отчество иногда опускается, хотя и не всегда: Янаев Г.И., Бакланов О.Д. (BCX 2016: 120) – G.Yanáiev, O.D.Baklanov [FHSes 2015: 157]; G.I. Ianáiev, D. Baklánov [FHSpt 2015: 116]. В следующем примере в официальном документе в испанском переводе видим полную запись имени при сокращении отчества: письмо Президенту СССР М.С.Горбачеву (BCX 2016: 121) – Mijaíl S. Gorbachov [FHSes 2015: 159] (M.S Gorbachov [FHSpt 2015: 117]). «Михаил Сергеевич» (BCX 2016: 132) в отношении Горбачева (но на этот раз без фамилии) используется и при обращении, так как в русской культуре имя в сочетании с отчеством относится к формулам речевого этикета (Рылов 2006: 69) (вместо *señor/senhor* + фамилия в ПЯ). В книге сохранена исходная русская формула, например, в контексте “¿Mijaíl Serguéievich, también nosotros viviremos así dentro de unos cien años?” [FHSes 2015: 173], (не изменено и в португальском: Mikhail Serugéievitch [FHSpt 2015: 126]).

При фамильярном обращении отчество может использоваться вместо имени: Вот и Сашка... наш Порфирьич (BCX 2016: 81) –Y Sasha lo mismo... Nuestro Sasha [FHSes 2015: 105] (замена на имя во избежание путаницы); o Sacha, o nosso Sacha Porfiritch [FHSpt 2015: 79] (добавление имени к отчеству с целью уточнения, что это тот же самый человек).

В детской речи при обращении ко взрослым к имени добавляются такие лексические компоненты как «дядя», «тетя» и др.: дядя Юра, тетя Оля; дядя Павел (BCX 2016: 35) – el señor Yura, Olya, su sobrina; un tío mío, Pável [FHSes 2015: 44]; o tío Iura, tia Ólia, tío Pável [FHSpt 2015: 35-36]. Помимо замены на аналогичные лексемы степени родства, присутствует замена по схеме «*señor/señora* + имя» (тетя Соня, мамина подруга (BCX 2016: 256) – la señora Sonia [FHSes 2015: 331], a tia Sónia [FHSpt 2015: 239]), причем используется как полный (тетя Ира (BCX 2016: 337) – la señora Irina [FHSes 2015: 435], tia Irina [FHSpt 2015: 314]), так и сокращенный вариант имени (бабка Стася (BCX 2016: 215) – la señora Stasia [FHSes 2015: 278], a velha Stássia [FHSpt 2015: 202]).

Отметим, что в испанском *señor/señora* используются в основном с фамилией, а не с именем.

5.3. Суффиксы

О важности суффиксов эмоциональной окраски мы уже говорили в предыдущем разделе. В русских антропонимах такие суффиксы прибавляются к краткой форме, образованной от супплетивной основы (Рылов 2006: 29) (например, «Мишка» образовано от «Миша», а не от «Михаил»). В португальском при переводе чаще сохраняются только краткие формы без суффиксов: Мишка (BCX 2016: 43) – Misha [FHSpt 2015: 44] (Mishka [FHSes 2015: 53]); Сашка (BCX 2016: 200) – Sacha [FHSpt 2015: 188] (Sashka [FHSes 2015: 258]). Если позволяет контекст, антропоним заменяется на местоимение: Васька (BCX 2016: 23) – él [FHSes 2015: 28] (Vaska [FHSpt 2015: 25]).

Обычно русские ласкательные именные формы не используются в обращении к русским со стороны иностранцев (Рылов 2006: 12), поэтому в переводе можно встретить и полные именные формы: Ира, Иринка (BCX 2016: 327) – Ira, Irina [FHSes 2015: 422] [FHSpt 2015: 305]; Юлия (BCX 2016: 349) – Yulia [FHSes 2015: 449], Iúlia [FHSpt 2015: 324] (хотя в этом случае совпадают формы аналога полного имени в ПЯ и транскрипция краткого «Юля»).

В рассматриваемых переводах полные имена сочетаются с краткими: так, в оригинале героя одной из истории всегда называли «Игорек» (BCX 2016: 146, 147, 149, 150), в переводах же видим использование разных вариантов: Ígoriok [FHSes 2015: 191] (неверное ударение), Ígor [FHSes 2015: 194, 195]; Igoriok, Igor [FHSpt 2015: 139-140], o Igorka [FHSpt 2015: 142] (ошибочно использована падежная форма). Ласкательные формы могут быть переданы как с помощью лексических добавлений (Наша Олечка (BCX 2016: 163) – *mi requeña Olia* [FHSes 2015: 213], *a nossa requeña Olga* [FHSpt 2015: 154]), и тогда лучше передается коммуникативное намерение автора, так и с помощью сохранения суффиксов или кратких форм: Анечка (BCX 2016: 264) – Ania [FHSes 2015:

340], Anetchka [FHSpt 2015: 246]; Анюточка (BCX 2016: 269) – Aniuska [FHSes 2015: 346], Aniútotchka [FHSpt 2015: 251].

Имя, являясь индивидуализатором, помимо этого сдержит в себе семы пола, национальности, а иногда и определенные коннотации (Рылов 2006: 16). Однако переводчику (а в художественном переводе это обязательно носитель ПЯ, а не ИЯ) бывает непросто увидеть эти семы: Сонечка, Ванечка, Славик (BCX 2016: 270) – a Sónetchka, a Vánetchka, o Slávik [FHSpt 2015: 252]. Наличие определенного артикля перед именами в португальском позволило нам определить ошибку. В испанском артикль в данном случае не требуется (Sóneshka, Váneshka, Slavik [FHSes 2015: 348]), что с другой стороны затрудняет определение пола носителя имени читателем: встретила своего Женьку (BCX 2016: 340) – mi Zhenia [FHSes 2015: 438], o meu Jénia [FHSpt 2015: 317]. В этом примере в русском и португальском можно определить пол носителя имени за счет притяжательного местоимения, а в испанском нельзя.

Отдельно стоит сказать о кратких формах антропонимов, обозначающих известных людей: По России мчится тройка: Райка, Мишка, перестройка (BCX 2016: 141). Здесь они функционируют как реалии и при переводе не изменены (Raika, Mishka [FHSes 2015: 186], Raika, Michka [FHSpt 2015: 135]), что вызывает некоторые сомнения в их правильном восприятии читателем. Сокращенный вариант фамилии «Горбачев», превратившийся в прозвище, будет более легко распознаваем (Горби (BCX 2016: 22) – Gorbi [FHSes 2015: 27], Gorby [FHSpt 2015: 24]), тем не менее, иногда он заменяется на полный вариант фамилии (Горбач (BCX 2016: 64, 199) – Gorbachov [FHSes 2015: 83, 256], Gorbachov [FHSpt 2015: 64, 186]), даже несмотря на то, что в тексте дается перечисление существующих прозвищ для М.С. Горбачева: «Иудушка», «великий Горби», «Горбач» (BCX 2016: 126) – “Judas”, el célebre Gorbi, el denostado Gorbi [FHSes 2015: 164]; “judas”, Gentil Gorbi, sórdido Gorbach [FHSpt 2015: 120] (в обоих случаях при переводе лексемы «Горбач» были использованы лексические добавления). Другой пример сохранения суффикса в

фамилии-прозвище: Бухарчик (так окрестил Сталин Бухарина) (BCX 2016: 130) – “Bujarchik” [FHSes 2015: 170], Bukhartchik [FHSpt 2015: 124].

Некоторые имена известных личностей или литературных героев в краткой форме можно считать устоявшимися, тогда дополнительные коннотации несколько ослабевают, и можно опускать суффикс при переводе: Павка Корчагин (BCX 2016: 55) – Pável Korchaguin [FHSes 2015: 70], Pável Kortcháguin [FHSpt 2015: 56].

5.4. Наричательные

Отдельные имена собственные, несущие в себе определенную семантику, в основном передающую характеристики их носителей, становятся нарицательными, хотя иногда бывает трудно провести границу между именем собственным и нарицательным (Рылов 2006: 21).

Традиционно во многих языках имя Иван используется как синоним слова «русский»: Русский Иван (BCX 2016: 113) – un Iván cualquiera [FHSes 2015: 148], Um Ivan russo [FHSpt 2015: 110] (перевод с добавлениями для объяснения значения). В другой главе книги С.А. Алексиевич финский солдат обращается к незнакомому русскому солдату: Ты жив, Иван! (BCX 2016: 45) – ¡Estás vivo, Iván! [FHSes 2015: 55]; Estás vivo, Ivan! [FHSpt 2015: 46] (перевод без объяснений). Однако чаще незнакомая реалия-антропоним передается описательным способом, как в следующем примере в испанском: «Ну что, Зоя Космодемьянская?» (BCX 2016: 482) – “¿Qué le pasa hoy a nuestra heroína? [FHSes 2015: 626] (E então, Zoia Kosmodemiánskaia? [FHSpt 2015: 448]). Особенно актуален такой прием, если речь идет о реалиях недавнего прошлого, недостаточно известных за рубежом: армия собчаков и чубайсов (BCX 2016: 144) – un ejército de liberales [FHSes 2015: 190] (замена генерализирующего характера), o Exército nem os Sobotchaks e os Tchubaiss [FHSpt 2015: 137] (неверная интерпретация падежной формы; замена строчной буквы, говорящей об окончательном переходе в разряд нарицательных, на заглавную).

Средством транспозиции имени собственного в нарицательное в ПЯ может служить неопределенный артикль (Рылов 2006: 28), как в испанском переводе фразы «Мы узнали правду... Что был не только Гагарин, но и Берия» (BCX 2016: 163): *Nos enseñaban que existía un Gagarin, sí, pero también un Beria...* [FHSes 2015: 212] (в португальском – *não houve apenas Gagárin, que houve também Béria* [FHSpt 2015: 154]).

5.5. Дериваты

Дериваты, т.е. производные от имен собственных, в русском языке представляющие собой прилагательные, можно перевести на рассматриваемые ПЯ двумя основными способами: 1) аналитическим с помощью предлога *de* 2) суффиксальным способом (прямая транскрипция или перевод суффикса). Оба приема наглядно демонстрирует следующий пример: Советских людей я бы разделила на 4 поколения: сталинское, хрущевское, брежневское и горбачевское (BCX 2016: 10) – *cuatro generaciones: la de Stalin, la de Jruschov, la de Brézhnev y la de Gorbachov* [FHSes 2015: 12] (первый способ); *estalinista, khruschovista, brejnevista e gorbachovista* [FHSpt 2015: 12] (второй способ); Белорусский, Савеловский, Киевский вокзал (BCX 2016: 258) – *estaciones Bielorrúskaia, Savélevskaia, Kíevskaia* [FHSes 2015: 333]; *em todas as estações de Moscovo... na da Bielorrússia, na da Savelovo, na da Kiev* [FHSpt 2015: 241].

Не всегда (в частности, при переводе названий торговых марок) используется предлог: Колбаса в лавках: «ельцинская», «сталинская», «микояновская» (BCX 2016: 403) – *salame Eltsin, Estaline, Mikoian* [FHSpt 2015: 375]. Чтобы избежать двоякого понимания сочетания, испанский переводчик воспользовался добавлением: *embutidos de las marcas de Yeltsin, Stalin y Mikoyán* [FHSes 2015: 520].

Встречается и описательный перевод реалий, представляющих с собой дериваты имен собственных: «хрущобная» кухня (BCX 2016: 20) – *las míseras cocinas de los edificios de los años sesenta* [FHSes 2015: 24] (в португальском сохранен дериват с суффиксом – *a modesta cozinha*

khruschoviana [FHSpt 2015: 22]); серые «хрущевки» (BCX 2016: 63) – los grises edificios que levantó Jruschov [FHSes 2015: 80] (в португальской версии – прямой перевод без адаптации, но со сноской внизу страницы: as pequenas khruschovkas cinzentas [FHSpt 2015: 62]. Суффикс –iana (khruschoviana) используется довольно часто в португальском переводе: «чеховская жизнь» (BCX 2016: 12) – uma vida tchekoviana [FHSpt 2015: 13] (в испанском – дополнительные добавления: nos vimos convertidos en personajes de Chéjov [FHSes 2015: 15]).

В анализируемом произведении нами был обнаружен один пример сочетания двух указанных нами в начале способов перевода, где затранскрибированное прилагательное становится частью сочетания с предлогом de: Бутовский полигон (BCX 2016: 23) – polígono de Butovski [FHSpt 2015: 25] (в испанском el polígono de Bútovo [FHSes 2015: 29]).

5.6. Смысловой перевод имен собственных

Как правило, имена собственные не переводятся. Исключения составляют имена собственные, значение которых принципиально важно для контекста и потому не может быть утеряно, как то названия улиц в контексте описания советской действительности: улица Metallургов, Энтузиастов, Заводская (BCX 2016: 52) – calle del Obrero Metalúrgico, calle de los Entusiastas, calle de la Fábrica [FHSes 2015: 65-66], Rua dos Metalúrgicos, Rua dos Entusiastas, Rua da Fábrica [FHSpt 2015: 53]. Заметим, что в названиях улиц предлог “de” может опускаться: улица Сталина (BCX 2016: 239) – calle Stalin [FHSes 2015: 308], Rua Estaline [FHSpt 2015: 222]. Если нарицательный компонент является частью топонима, то он не переводится: Китай-город (BCX 2016: 373) – Kitái-Górod [FHSes 2015: 480], Kitai-gorod [FHSpt 2015: 346].

Появление новых названий и имен – реакция языка на происходящие в стране события (Рылов 2006: 92); например, мужское имя Октябрь (BCX 2016: 178) – Octubre [FHSes 2015: 230], Outubro [FHSpt 2015: 168]. Значение антропонима «Люблена» уже пояснено в контексте, поэтому переводчикам не понадобилось переводить сам антропоним, они лишь осуществили

транскрипцию: Мне нравилось имя Люблена; оно складывалось из слов «люблю Ленина» (BCX 2016: 178) – Liublēna, que quiere decir ‘amo a Lenin’ [FHSes 2015: 230]; Liublēna, formado das palavras “amo Leninne” [FHSpt 2015: 168]. Как отмечает Ю.А. Рылов, мужские варианты подобных советских антропонимов встречаются реже женских, так как у первых сдерживающим фактором является последующее формирование отчества из этого имени (Рылов 2006: 99).

Топонимы, обозначающие известные на весь мир московские достопримечательности, в большинстве случаев традиционно переведены: Спасская башня, Красная площадь (BCX 2016: 92) – la torre Spásskaia (транскрипция вместо перевода), la Plaza Roja [FHSes 2015: 120]; Torre do Salvador, Praça Vermelha [FHSpt 2015: 90].

Особняком стоит вопрос о переводе имен собственных, связанных с прессой и телевидением. Как правило, названия газет, журналов и т.д. не переводятся: Новый мир, Знамя (BCX 2016: 62) – *Novi mir*, *Znamia* [FHSes 2015: 80], *a Novi Mir*, *a Známia* [FHSpt 2015: 62] (в португальском добавлен артикль, традиционно употребляющийся перед наименованиями печатных изданий). Название советского журнала «Крокодил» (BCX 2016: 181) было переведено на португальский язык, при этом в обоих языках переводчики осуществили добавление прилагательного, характеризующего содержание журнала: revista satírica *Krokodil* [FHSes 2015: 235], revista satírica soviética *Crocodilo* [FHSpt 2015: 171]. В следующих примерах видим смысловой перевод на испанский язык: Современная литература (издательство) (BCX 2016: 119) – *Literatura contemporánea* [FHSes 2015: 156] (*Sovreménaia literatura* [FHSpt 2015: 115]); «Всемирка» (BCX 2016: 60) – revista *Literatura Universal* [FHSes 2015: 77] (смысловой перевод с добавлением), assinatura da Internet [FHSpt 2015: 60] (неверный перевод; очевидно, переводчик принял «Всемирку» за Всемирную паутину).

В испанском варианте название телепрограммы «Взгляд» (BCX 2016: 117, 163) передано как с помощью транскрипции (programa *Vzgliad* [FHSes 2015: 153]), так и смыслового перевода (el programa “La mirada” [FHSes 2015: 212]); в португальском транскрипция – programa televisivo *Vzgliad* [FHSpt 2015: 113] или просто “*Vzgliad*” [FHSpt 2015: 154].

5.7. Перевод с добавлениями

Так как имена собственные, как мы уже говорили в первой главе, относятся к культуронимам, перевод с рядом добавлений применяется достаточно часто. При переводе следующего топонима добавление с целью разъяснения значения суффикса представляется неизбежным, причем во втором случае суффикс был неправильно понят даже переводчиком: Смоленщина (BCX 2016: 13) – La región de Smolensk [FHSes 2015: 17], estrada de Smolensk [FHSpt 2015: 15]. Другой пример добавления в топонимах: Сахалин (BCX 2016: 383) – la isla de Sajalín [FHSes 2015: 492] (a Sacalina [FHSpt 2015: 356]). Для ряда малоизвестных топонимов имеет смысл ввести пояснение их примерного местонахождения либо в непосредственно в тексте (Форос (BCX 2016: 79) – Foros, en Crimea [FHSes 2015: 102]; Foros [FHSpt 2015: 77]), либо с помощью сноски: Аргун, Гудермес, Ханкала (BCX 2016: 438). Если в испанском данный ряд топонимов просто затранскрибирован (Argún, Gudermés, Jankalá [FHSes 2015: 566]), то в португальском дана пояснительная сноска (Localidades da Chechénia [FHSpt 2015: 408]). Если уточнение географического положения нерелевантно, переводчик может также пояснить, чем именно известно конкретное место: Рублевка (BCX 2016: 400) – Rubliovka, el barrio de los millonarios [FHSes 2015: 515]; a Rublióvka (со сноской) [FHSpt 2015: 372].

Встречаются и в целом необязательные добавления, связанные с различием в способе наименования реалии: ракета «Ока» (BCX 2016: 134) – los misiles Oka [FHSes 2015: 176], o míssil *Oka* (no Occidente chamavam-lhe SS-23) [FHSpt 2015: 128]. В названиях торговых марок указывается гипероним: две

«Волги» (BCX 2016: 168) – dos coches Volga [FHSes 2015: 219], dois carros *Volga* [FHSpt 2015: 159].

Что касается антропонимов, то для разъяснения их значения проще всего дать сноску, как сделал португальский переводчик для антропонимов «Чкалов», «Гагарин», «Королев» (BCX 2016: 281) (Chkálov, Gararin, Koroliiov [FHSes 2015: 362]; Tchkalov, Gagarin, Koroliiov [FHSpt 2015: 261]). Испанский переводчик в случае с Ю. Гагариным посчитал нужным лишь уточнить имя: полет Гагарина (BCX 2016: 9) – el vuelo de Yuri Gagarin [FHSes 2015: 11], (voo de Gagárin [FHSpt 2015: 11]).

Тем не менее, в художественном тексте не стоит злоупотреблять сносками, так как это может затруднить чтение при обилии незнакомых антропонимов. Помимо сносок объяснения осуществляются непосредственно в тексте: господин Полонский (BCX 2016: 306) – empresario Polonski [FHSes 2015: 395] (здесь, скорее, замена обращения на род занятий); в португальском без изменений – o senhor Polonski [FHSpt 2015: 285]. Добавления чаще всего касаются рода деятельности носителей антропонимов: Нет новых Демидовых, Морозовых (BCX 2016: 306) – faltan los nuevos Demíдов, los nuevos Moróзов, los capitalistas de antaño [FHSes 2015: 396] (novos Demíдов, nem Moróзов [FHSpt 2015: 285]). Пример более приближенных к современности антропонимов, которые бесспорно требуют пояснения для иностранного читателя: Россия с Абрамовичем и Дерипаской... С Лужком (BCX 2016: 406) – La Rusia de los oligarcas Abramóvich y el “rey del aluminio” Deripaska...La Rusia del alcalde Luzhkov [FHSes 2015: 523] (добавление в виде характеристики деятельности или прозвища); A Rússia com Abrámovitch e Deripaska...Com Lujkov [FHSpt 2015: 377] (без добавлений).

Добавления могут быть и несколько более распространенными, как в испанском переводе в следующих примерах: Павлик Морозов (BCX 2016: 101) – Pavlik Moróзов, el niño partisano que se había convertido en un icono [FHSes 2015: 132] (в португальском – сноска к транскрипции “Pavlik Moróзов” [FHSpt

2015: 98]). Добавление осуществлено непосредственно в середине фразы в виде приложения: Вы думаете, Чумак и Кашпировский лечат тело? Они лечат душу (BCX 2016: 285) – ¿Usted cree que esos dos espiritistas que se han hecho famosos, Chumak y Kashpirovski, curan el cuerpo? [FHSes 2015: 368] (Pensa que Tchumak e Kaspirovski tratam o corpo? [FHSpt 2015: 265]).

5.8. Замена, опущение имен собственных

Рассмотрим несколько случаев замены имени собственного и их причины. Во-первых, замена может носить генерализирующий характер ввиду нерелевантности конкретного имени собственного для широкого контекста, что нередко встречается в художественном тексте: Спитак (BCX 2016: 311) (речь шла землетрясении) – Armenia [FHSes 2015: 403], (Spitak [FHSpt 2015: 290]). В испанском применена генерализация, т.к. топоним «Спитак» несет в себе даже меньше информации для читателя перевода, однако такая страна, как Армения, ему вполне может быть известна.

Во-вторых, объект или человек может иметь традиционно другое название в ПЯ, либо отдается предпочтение разным вариантам наименования, как в следующем примере: Америка (BCX 2016: 65, 166) – Estados Unidos [FHSes 2015: 83, 216], América [FHSpt 2015: 64, 157]. В испанском языке под словом “América” подразумеваются, скорее, испаноговорящие страны американского континента, нежели США. При переводе исторического текста (а в книге множество эпизодов посвящено жизни советской эпохи) может быть отдано предпочтение современному варианту топонима: Ленинские горы (BCX 2016: 133) – las Colinas de los Gorriones [FHSes 2015: 174] (в португальском сохранен старый вариант названия: os montes Lenine [FHSpt 2015: 127]).

Наконец, в художественном тексте с элементами разговорного языка переводчик вносит некоторые культурологические поправки в речь героев: Мужики, как истуканы с острова Майя, сидят (BCX 2016: 398) – como estatuas de la isla de Pascua [FHSes 2015: 512], como as estátuas da ilha de Páscoa [FHSpt 2015: 370].

Что касается опущения, то оно осуществляется переводчиком прежде всего для более легкого восприятия текста, обилующего именами собственными (как в нашем случае), если только это наименование нерелевантно для широкого контекста книги. Тогда оно может быть опущено и заменено на более общее и понятное носителю ПЯ понятие: одеколон «Гвоздика» (BCX 2016: 89) – *agua-de-colônia* [FHSpt 2015: 86] (в испанском сохранено название: *agua de colonia La puntillita* [FHSes 2015: 115]); киоск «Союзпечать» (BCX 2016: 231) – *quiosco* [FHSes 2015: 298], *quiosque* [FHSpt 2015: 216].

В основном прием опущения применяется в отношении различных торговых марок, однако встречаются и опущения антропонимов с последующей заменой: Я верю Гайдару (BCX 2016: 353) – *yo tengo fe en las reformas* [FHSes 2015: 454] (в португальском нет опущения имени собственного: *eu confio em Gaidar* [FHSpt 2015: 329]); Вместо Высоцкого – Киркоров. Попса! (BCX 2016: 165) – *Cambiamos a Visotski por la música pop* [FHSes 2015: 215] (без изменений в португальском: *Em vez de Vissotski, Kirkorov, música pop!* [FHSpt 2015: 156]). Заметим, что в испанском из двух антропонимов был опущен лишь один.

Даже если антропоним встречается в тексте несколько раз, иногда переводчик опускает его с целью упрощения текста, содержащего множество незнакомых антропонимов, за которыми читателю трудно следить: «Папа, Павлик Морозов – отморозок, а Марат Казей – чудик» (BCX 2016: 139) – *Pará, todos los héroes comunistas eran unos idiotas* [FHSes 2015: 183]. В португальском варианте имена собственные сохранены: *Pará, o Pavlik Morózov era um patife e o Marat Kazei um pateta* [FHSpt 2015: 132]. В целом же отметим, что переводчик книги «Время секунд хэнд» на португальский язык менее склонен к заменам и опущениям и чаще прибегает к сноскам, нежели его испанский коллега. Тем не менее, оба переводчика демонстрируют широкий спектр переводческих трансформаций при переводе имен собственных, равно как и в других рассмотренных нами в настоящем исследовании аспектах.

Заключение

Проведенное исследование в очередной раз подтвердило, что не существует универсального решения или единого способа перевода для определенного языкового явления. В особенности это касается перевода художественного текста, где переводчику необходимо осуществить межъязыковую эстетическую коммуникацию. На рассмотренных примерах, относящихся к реалиям, именам собственным, эмоционально окрашенной лексике, видно, что переводчики успешно применяют самые разные переводческие трансформации.

В частности, помимо транскрипции (престационарное соответствие), перевод реалий был осуществлен с помощью замены реалии ИЯ на реалию ПЯ, что противоречит существующим на данный момент рекомендациям относительно перевода реалий. Тем не менее, мы считаем такой перевод допустимым, прежде всего ввиду художественной специфики текста. Кроме того, большинство таких реалий нерелевантны для широкого контекста книги и потому не наносят существенного ущерба национальному колориту произведения. Хотя в целом наиболее часто употребляемой трансформацией традиционно для перевода текста со множеством реалий остается добавление, в некоторых случаях переводчики не прибегают к нему, так как значение многих реалий можно понять из контекста.

Среди примеров адаптации реалий в испанском и португальском языках встречается фонетическая (открытые слоги в конце вместо закрытых) и грамматическая (артиклы). Исследование также показало, что единицей перевода может служить не только лексема, но и морфема (перевод суффиксов в реалиях).

Помимо советизмов, на которые мы сделали особый акцент (в частности, был проанализирован концепт «совок») и которые в нашем исследовании, в отличие от исследований прошлых лет, рассматриваются как устаревшие реалии, была также затронута тема реалий постсоветской России («яблочник»,

челноки). При переводе советизмов-аббревиатур наиболее часто встречающимся типом переводческой трансформации стал полный перевод с расшифровкой.

При использовании прецедентных текстов во многих случаях интертекстуальность теряется, что подтверждает некоторые постулаты из теоретической главы. Стоит особо отметить сохранение рифмы при передаче поэтических прецедентных текстов в португальском переводе.

В переводе фразеологических единиц, наряду с такими традиционными типами перевода как эквивалентный и буквальный, нами был выделен способ перевода, который можно условно обозначить как нулевой (в случае если переводчик не распознает фразеологизм в тексте). Также в испанском переводе, в целом более интересном в плане различных модификаций исходного текста, были обнаружены добавления фразеологических единиц.

Иллокутивная сила эмоциональных высказываний негативного характера в целом несколько смягчена, что объясняется языковыми различиями и переводческой традицией смягчения пейоративной лексики при переводе художественного текста. Однако в других случаях в испанском варианте было замечено увеличение экспрессивности за счет добавления восклицательных знаков, что позволяет говорить о большей экспрессивности испанского языка в целом.

Касательно имен собственных мы пришли к выводу, что, в отличие от текстов официального характера, в художественном тексте они могут претерпевать некоторые изменения (графическое ударение, передача суффиксов субъективной оценки, смысловой перевод). Для некоторых исторических антропонимов традиционно применяется прием транспозиции. В целом в испанском переводе было обнаружено гораздо меньше (по сравнению с португальским) пояснительных сносок для имен собственных и реалий, что выдает признаки уже сформировавшихся переводческих традиций в обоих случаях.

Наконец, отметим некоторое непостоянство в использовании немногочисленных фиксированных эквивалентов реалий и имен собственных в обоих переводах. Однако на наш взгляд, эта тема, как и другие затронутые в данном исследовании вопросы, может быть изучена в дальнейшем более подробно.

Библиография

1. Александрова Ю.О. Перевод эмотивных высказываний и прагматическая адаптация // Университетское переводоведение. Вып. 2. Материалы II Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 23-25 октября 2000 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – с. 5-13
2. Александрова Ю.О. Эмотивное смягчение иллокутивной силы высказывания в русских текстах и их переводах на английский язык // Университетское переводоведение. Вып. 3. Материалы III Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 26-28 октября 2001 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – с. 5-12
3. Алексиевич С.А. Время секунд хэнд. – М.: Время, 2016. – 512 с.
4. Бархударов Л.С. Язык и перевод – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
5. Безрукова М.Н. Функциональный подход к проблеме перевода заголовка // Университетское переводоведение. Вып. 4. Материалы IV Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 24-26 октября 2002 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – с. 44-47
6. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М.: Издательство Московского университета, 1978. – 172 с.
7. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.
8. Дубровская О.Г. К проблеме перевода фразеологизмов // Университетское переводоведение. Вып. 4. Материалы IV Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 24-26 октября 2002 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – с. 150-156
9. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур — М.: Р.Валент, 2001. – 200 с.

10. Жукова Е.В., Бурукина О.А. Особенности перевода лексических средств выражения человеческих эмоций // Университетское переводоведение. Вып. 3. Материалы III Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 26-28 октября 2001 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – с. 259-262
11. Иванова Т.Н. Почему полковник Грушко разговаривает как инспектор Смит или «Think Russian!» // Университетское переводоведение. Вып. 3. Материалы III Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 26-28 октября 2001 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – с. 268-273
12. Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 219 с.
13. Казакова Т.А. Художественный перевод: Учебное пособие – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. – 112 с.
14. Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. Часть 1. Лексико-фразеологические основы перевода – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1960. – 176 с.
15. Купина Н.А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. - Вып. 2(28). - Екатеринбург, 2009. - с. 35-40
16. Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода. (На материале испанского языка): Моногр. – М.: Высшая школа, 1985. – 232 с.
17. Львовская З.Д. Современные проблемы перевода: Пер. с исп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.
18. Оболенская Ю.Л. Испанский язык во взаимодействии с иноязычными культурами (На материале переводов произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке) – М., 1997. – 42 с.
19. Рубцова С.Ю. К вопросу о переводе культуронимов // Университетское переводоведение. Вып. 3. Материалы III Международной научной конференции

по переводоведению «Федоровские чтения» 26-28 октября 2001 г. – СПб.:

Филологический факультет СПбГУ, 2002. – с. 432-435

20. Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. Курс лекций по межкультурной коммуникации – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 311 с.

21. Старцева Г.А. Перевод зооморфных метафор как фактор, влияющий на формирование этнических представлений // Университетское переводоведение.

Вып. 4. Материалы IV Международной научной конференции по

переводоведению «Федоровские чтения» 24-26 октября 2002 г. – СПб.:

Филологический факультет СПбГУ, 2003. – с. 347-351

22. Федоров А.В. О художественном переводе – Ленинград: Гослитиздат, ЛО, 1941. – 396 с.

23. Чудакова М.О. Новые работы: 2003-2006. – М.: Время, 2007. – 560 с.

24. Чуковский К. И. Высокое искусство – М: Сов. писатель, 1968. – 384с.

25. Aleksiéovich S. El fin del “Homo soviético” (trad. Jorge Ferrer Díaz) – Barcelona: Acantilado, 2015. – 643 p.

26. Aleksievitch S. O Fim do Homem Soviético (trad. António Pescada) – Lisboa: Porto Editora, 2015. – 469 p.

27. Gargatagli M. La historia de la escuela de traductores de Toledo – Quaderns. Revista de traducció, núm. 4, Bellaterra, 1999. – p. 9-13

28. Ordóñez López, P. Revisión del pensamiento de Ortega y Gasset sobre la traducción a la luz de la hermenéutica alemana – Sendebarr 17, 2006. – p. 49-60

29. Yebra V.G. El buen uso de las palabras. Segunda edición – Madrid, Editorial Gredos, 2003. – 478 p.

Словари:

1. БСРП – Никитина Т. Г., Мокиенко В. М., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. — М.: Олма Медиа Групп, 2010. — 1024 с.

2. ИРФС – Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А., Будницкая И.А. Испанско-русский фразеологический словарь: 30000 фразеологических единиц. — М.: Рус. яз., 1985 – 1080 с.

Интернет-источники:

1. <http://www.kommersant.ru/doc/2264009> (Дата обращения: 10.12.2016)
2. http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2015/alexievich-lecture_ru.html (Дата обращения:10.12.2016)
3. <https://www.amazon.com/Secondhand-Time-Soviets-Svetlana-Alexievich/dp/0399588809> (Дата обращения: 12.12.2016)
4. <http://www.zeit.de/kultur/literatur/2013-10/friedenspreis-autorin-swetlana-alexijewitsch> (Дата обращения: 20.12.2016)
5. http://www.lemonde.fr/livres/article/2013/10/03/svetlana-alexievitch-en-lettres-rouges_3489001_3260.html (Дата обращения: 20.12.2016)
6. <http://www.raigverdeditorial.cat/cataleg/un-temps-de-segona-ma-la-fi-de-lhome-roig/> (Дата обращения: 13.01.2017)
7. <http://dle.rae.es/?id=Qa4kCGp> (Дата обращения: 03.03.2017)
8. <https://www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/nomenclatura> (Дата обращения: 03.03.2017)
9. <https://www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/colcoz> (Дата обращения: 03.03.2017)
10. <http://dle.rae.es/?id=BoVXTP1> (Дата обращения: 09.03.2017)
11. <https://infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/datcha> (Дата обращения: 09.03.2017)
12. <http://dle.rae.es/?id=JsjrufV> (Дата обращения: 09.03.2017)
13. <https://www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/gulag> (Дата обращения: 06.03.2017)

14. <https://www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/intelligentsia> (Дата обращения: 09.03.2017)
15. <http://dle.rae.es/?id=5h8frQA> (Дата обращения: 17.03.2017)
16. <http://dle.rae.es/?id=YxD919Z> (Дата обращения: 17.03.2017)
17. <https://www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/taiga> (Дата обращения: 17.03.2017)
18. <https://www.infopedia.pt/dicionarios/ingles-portugues/kulak> (Дата обращения: 17.03.2017)
19. <https://www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/traficante> (Дата обращения: 17.03.2017)
20. <https://www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/gelo> (Дата обращения: 17.03.2017)
21. <http://sovdep.academic.ru/3545> (Дата обращения: 24.03.2017)
22. http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/1706/%D0%9D%D0%B5 (Дата обращения: 24.03.2017)
23. <https://www.priberam.pt/dlpo/ombro%20a%20ombro> (Дата обращения: 25.03.2017)
24. <https://es.tagdef.com/mierdocracia> (Дата обращения: 25.03.2017)
25. <https://twitter.com/sscavalheiro/status/700813754984955904> (Дата обращения: 27.03.2017)
26. <http://dle.rae.es/?id=5e5BMrw> (Дата обращения: 08.04.2017)
27. <https://www.priberam.pt/dlpo/camone> (Дата обращения: 08.04.2017)
28. <https://www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/meteco> (Дата обращения: 05.04.2017)
29. <https://www.infopedia.pt/dicionarios/lingua-portuguesa/figa> (Дата обращения: 12.04.2017)
30. <http://dle.rae.es/?id=B21cQlz> (Дата обращения: 12.04.2017)